
Юлия Амусина
Бывшие
Право последней ночи

Юлия Амусина

Бывшие. Право последней ночи

«Литнет»
2026

Амусина Ю.

Бывшие. Право последней ночи / Ю. Амусина — «Литнет», 2026

– Хочешь уйти? – Влад усмехается сквозь зубы, смотрит на меня со злостью и вдруг согласно кивает. – Валяй, уходи. Я отпущу тебя. Но имей в виду, за мной остается право… Право последней ночи.Я придумала его. Поддавшись уговорам подруги, нарисовала портрет своего «идеального» парня, даже не подозревая, что такой человек не только существует в реальности, но и живет со мной в одном городе. Вскоре мы познакомились, а спустя какое-то время я вышла за него замуж. Но семейная жизнь дала трещину. Сказка закончилась, толком не начавшись, когда я поняла, что за обаятельной маской моего мужа скрывается тиран, стремящийся полностью подчинить мою жизнь своей воле. Когда он перешел черту, я сбежала, надеясь, что мы никогда больше не встретимся.Но спустя три года мне приходится вернуться…И столкнуться с прошлым, которое, кажется, не готово меня отпустить.

© Амусина Ю., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 17
Глава 4 25
Глава 5 33
Глава 6 40
Глава 7 50
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Глава 1

Варвара

– Привет, ба. Я получила твоё сообщение… Конечно, было бы здорово куда-нибудь съездить, но вряд ли у меня получится выбить отпуск. В художке сейчас полный завал, если честно... Помнишь, я рассказывала о нашем новом проекте? Так вот, мне позарез нужно его закончить. Димка лютует по-страшному. В прошлый раз я пообещала ему исправиться. Он, конечно, не поверил, но всё равно не хочется подводить его со сроками…

Прикидываю, что бы еще добавить, и заканчиваю запись просьбой перезвонить мне, как только у бабули выпадет свободное время. Это может случиться нескоро, дама она деятельная и вечно занятая. Держу пари, мое сообщение в ее мессенджере висит даже не в первой десятке непрочитанных.

Убрав телефон, я возвращаюсь к мольберту.

Можно сказать, в новую квартиру мы переехали вместе – он появился у меня на следующий день после того, как я тут обосновалась, в который раз твердо решив покончить с убийственной прокрастинацией и наконец-то начать свою бестолковую жизнь с чистого листа.

Тут же в моих мыслях всплывает наставительный Димкин голос:

«Хватит филонить, Варька! Сроки! Сроки горят, подруга!»

Сквозное напоминание *о сроках*действует на меня удручающе.

Одернув на себе длинную футболку, щедро заляпанную разноцветными пятнами, я принимаюсь рассматривать очертания миловидного женского лица на своем холсте. Перевожу тоскливый взгляд на кисти и, пообещав себе *взяться за работу чуть позже,*возвращаюсь к свободному творческому процессу, напрочь позабыв о времени, пока мое занятие не прерывает писк стационарного телефона.

Увлеченная тем, чтобы правильно подобрать пропорции будущему портрету, какое-то время я старательно игнорирую надоедливые звуки, доносящиеся из спальни. Никаких важных звонков этим утром я не жду, бабуля всегда звонит мне на мобильный или пишет в мессенджер, как и Димка, как и кто-либо другой, имеющий отношение к художественному училищу, в котором я по недоразумению все еще числюсь среди сотрудников. Однако мобильный молчит, а вот неведомый абонент все не унимается.

Включается автоответчик, и я машинально навостряю уши, благо открытая дверь в спальню не слишком заглушает звук.

– Варька, это я, – доносится до меня чуть хрипловатый голос моего лучшего друга и непосредственного руководителя. – Возьми трубку, а? Я знаю, что ты дома. Блин, такая засада случилась, полная жесть. Звоню сюда, потому что расколошматил свою мобилу и не помню номер твоего сотового.

Тут же бросаю кисть и спешу на зов.

– Что там с твоим телефоном? – спрашиваю, схватившись за трубку.

– Да хрень полная. Один несмышленый кретин так сильно куда-то спешил, что не вписался в поворот и толкнул меня, пока я разговаривал…

– А второй несмышленый кретин не удержал мобильный в руках, – подхватываю я.

Димка хмыкает:

– Ну, вроде того. Да и черт бы с ним, все равно менять собирался, но все контакты у меня в памяти телефона, так что я без него теперь, как без рук.

– Судя по твоему голосу, это не самая паршивая новость?

– В точку, моя умница, – Димка вторично вздыхает. – Поверь, Варька, мне очень неудобно тебя об этом просить, но…

– Что случилось? – вот теперь я слегка настораживаюсь.

– В общем, у нас тут стартует трехдневный семинар для работников культуры. Мероприятие очень серьезное, его организацией занимаются на самом высоком уровне, как-никак ключевое событие в нашей сфере, все такое. Для участия собирают представителей всех культурных учреждений по области, в основном руководителей, конечно, так что этот чертов семинар никак нельзя пропустить. Ну вот *вообще никак.* Живенько осознай всю степень ответственности.

– Осознаю… – мычу неопределенно, не догоняя пока, зачем мне все это знать и тем более *осознавать степень Димкиной ответственности.*

– Как ты понимаешь, на семинаре должен присутствовать я собственной персоной, но у меня не получается туда вырваться. Ты же в курсе, какая у нас… *сложная рабочая обстановка.* Я даже на пару часов не могу отлучиться, чтобы тут, на хрен, не встало все намертво.

– Хочешь, чтобы я поприсутствовала на этом семинаре вместо тебя? – до меня понемногу начинает доходить.

– Вот в точку. Было бы здорово.

– Ну… ладно, – я все еще в непонятках. Подумаешь, семинар. Чего он так дергается? – Схожу, посижу. Нет проблем.

– Вообще-то, есть, – снова вздыхает Димка.

– Там будет чертовски скучно?

– Понятия не имею. Судя по плотному расписанию, вряд ли у тебя останется время на скуку. Но сам семинар… короче, проходить он будет не здесь. Придется скататься в Малиногорск, Варь…

Я даже вздрагиваю от неожиданности, услышав название родного города.

Малиногорск. Димка что, спятил совсем, предлагая мне *туда вернуться?*

– Дим, – начинаю уже с куда меньшей уверенностью, чувствуя, как легкая настороженность во мне перебрасывается в стремительно разрастающуюся тревогу, провоцирующую желание сбросить вызов, чтобы не продолжать этот разговор. – Ты же прекрасно знаешь, что…

– Да, да, Варь, я знаю, – быстро перебивает меня приятель. – Знаю, что ты не хочешь туда возвращаться. Поверь мне, *в любой другой ситуации* я бы никогда и ни за что тебя об этом не попросил, но сейчас ты единственная, кого я могу отправить туда вместо себя. Правда, Варь. Всего… *три дня.* Это ведь немного.

– Это *слишком* много, – возражаю сухо, опускаясь на низкий диванчик неподалеку от окна.

– Не усложняй, а? Эти несчастные три дня пролетят, как один миг. Ты даже не заметишь, как придет время возвращаться обратно.

– Но почему я? Попроси Лерку. Она любит таскаться по всяким официальным мероприятиям и с большим удовольствием съездит туда вместо тебя.

– Она-то съездит, разумеется. Быть может, действительно *с большим удовольствием.* Но нам нужен *представитель,* Варвара. А это уже к тебе.

– Да что за черт… – обрываюсь и медленно выдыхаю. – Дим, *я не собираюсь возвращаться* в этот город. Я не хочу. Ты что, не понимаешь? *Не хочу!* И не пытайся воздействовать на мою совесть. Сам же знаешь, что *там…*

– Знаю, – снова признает друг. – Но ведь уже прошло много времени, Варька. Три года. Все давным-давно забылось. К тому же, тебе нет никакой нужды *с ним* встречаться. Тебя разместят в отличной гостинице, номер люкс, между прочим, и все за счет нашей любимой богадельни. Семинар продлится ровно три дня. Ты посетишь каждую из встреч и благополучно

вернешься обратно. За все это время ты *ни разу с ним не пересечешься,* я тебе обещаю. Ну сама посуди. В большом городе это попросту невозможно.

– Знаешь, что такое закон подлости? Так вот со мной он срабатывает безотказно.

– Перестань. В том, чтобы съездить туда на три дня, нет никакой драмы. Ты просто ищешь предлог послать меня к черту, вот и все.

– Нет, я… – под Димкиным напором я чувствую себя до невозможности жалкой, но все равно продолжаю стоять на своем, –*не хочу.* Просто не хочу быть там. *Я не хочу,* Дим. Ты понимаешь?

– Варька… – в его голосе прорезаются страдальческие нотки. – Ты режешь меня без ножа.

– Ничем не могу помочь. Прости.

– Черт! Вот что мне прикажешь делать? Если я сам сорвусь с места и помчу на этот гребаный семинар, меня распнет Министерство, потому что *здесь* дела тупо встанут, и двигать их будет некому. А если останусь…

– Но почему *я?* Дим, в самом деле, ну есть же другие варианты…

– Потому что ты, черт возьми, мой заместитель, Варвара! Ты, а не кто-либо из «других вариантов», которые, разумеется, есть, но они не подходят именно потому, что мой зам – ты!

Черт, ну… надо признать, он долго держался, прежде чем выбросить самый главный козырь. Но против истины не попрешь. Я ведь и правда его зам. Кто, если не зам, должен подменить своего руководителя на столь ответственном мероприятии?

– Ладно, я… Ладно, – *вдох-выдох. Дышу глубже, но воздуха все равно не хватает.* – Я могу подумать?

– Конечно, можешь. Поезд всего через несколько часов. За раздумьями как раз успеешь собрать свои шмотки.

Проклятье!

Какое-то время я глупо таращусь на исходящую писком трубку, с трудом осознавая этот ужасный разговор с Димкой и его неожиданное поручение, которое, несмотря на кажущуюся *легкость,* выполнить мне будет не так уж просто, затем кладу ее на рычаг и по наитию возвращаюсь к мольберту.

Беру кисть, зажимаю между пальцев, касаюсь ею холста.

И с тихим стоном бросаю обратно на палитру.

Малиногорск…

Город, в котором я родилась и откуда так поспешно убегала в надежде спасти себя и свою загубленную жизнь. Оставшийся там человек, после которого я так и не оправилась до конца, *слишком глубоко он засел во мне* продольной незаживающей раной. Какова вероятность встретиться с ним *за каких-то жалких три дня,* что я буду вынуждена находиться *условно на его территории?* В большом городе… Это не так уж и невозможно, учитывая мое хроническое невезение и потрясающую способность на ходу притягивать к себе разного рода неприятности.

Большую неприятность, чем мой бывший муж, трудно представить даже с моим бурным воображением.

Владлен.

Влад…

Единственное имя, даже мысленное упоминание которого неизменно скручивает меня изнутри беспокойной робостью. Прошло три года. Со дня нашей последней встречи утекло очень много грязной воды, в моей жизни случилось множество перемен, и в его, уверена, тоже, а я все еще не могу вспоминать о нем без какого-то глупого волнения, влекущего желание забиться в тесную скорлупу, чтобы никто не мог достать меня оттуда, и в то же время подстегивающего мое нездоровое любопытство увидеть его и узнать, какой он теперь...

Владлен остался в прошлом, напоминаю себе строго.

Он в прошлом.

Мне… *мне больше нечего бояться.* Мы никогда не столкнемся с ним лицом к лицу. Кроме того, я ведь понятия не имею, как и чем он сейчас живет. Может, у него давным-давно все устроено, он нашел себе подходящую девушку, послушную умницу и красавицу, женился на ней и… черт, да, даже завел с ней ребенка. Мой бывший наверняка очень счастлив и думать не думает о какой-то там белобрысой неудачнице с красками, по нелепой случайности ставшей на время его законной женой.

Все проходит, и эта часть нашей общей истории давно стала *прошлым.*

Три года – это так чертовски много.

Да, мне не по себе от мысли, что придется вернуться в некогда родной город, а вероятность встретиться там с Владом, пусть даже ничтожно низкая, *почти нулевая,* по-настоящему пугает, но я ведь не думаю всерьез, что бывший станет набрасываться на меня с обвинениями или даже кулаками? *Если мы все-таки пересечемся…* максимум, что он сделает, это кивнет нейтрально и отвернется от меня. Не более того.

Достаю сумку, начинаю собирать вещи.

В конце концов, Димка прав, за какие-то жалкие несколько дней мы с Владом вряд ли встретимся на улицах Малиногорска. Полная ерунда. Мне не о чем переживать!

Димка сбрасывает мне на электронку билет, купленный на мое имя, а также прописывает время прибытия и номер поезда. Черт, все в такой жуткой спешке, что у меня голова идет кругом. На автомате я заканчиваю сборы, смотрю на часы и отмечаю, что до прибытия поезда еще куча времени. Но я уже не могу ничем заниматься, мысли то и дело ускользают к событиям трехгодичной давности, сбивая весь более-менее ровный настрой, и в конце концов я, не выдержав, вызываю такси и отправляюсь на вокзал.

«Хочешь уйти? – всплывает в моей памяти его приглушенный голос. – Валяй, уходи. Я отпущу тебя. Но имей в виду, за мной остается право…»

Стискиваю колени ладонями и низко опускаю голову, уставившись на грязную плитку под своими ногами. В другом конце огромного здания вокзала возится пожилая уборщица, но ее труд здорово напоминает мартышкин – недавно прошел дождь, и люди в зале разносят грязь со скоростью, явно превышающей монотонное движение швабры по полу. Почему я об этом думаю? Почему мне в голову лезут всякие несущественные глупости? Перегруженный мозг отчаянно пытается переключиться на что-то *спокойное,* так как мысли о том, что спустя долгих три года я возвращаюсь в родной город, где по-прежнему живет мой бывший муж, чересчур тревожны.

Они заставляют меня испытывать трепетный страх и волнение, стоит лишь представить себе, как Влад...

– Девушка, вам плохо? – рядом со мной останавливается какой-то мужчина.

Ну вот, я выгляжу так паршиво, что даже равнодушные незнакомцы начинают проявлять ко мне сердобольный интерес.

Покачав головой, я поднимаюсь, подхватываю свою сумку и заторможенным шагом направляюсь к перрону.

***

В поезде мне достается нижнее плацкартное место, которое я уступаю соседке сверху, пожилой женщине, не горящей желанием изображать из себя акробата и прыгать вверх-вниз по любой нужде. Мне же абсолютно все равно, где коротать грядущую ночь, тем более что прибытие в пункт назначения состоится на рассвете.

Забравшись на свою полку, какое-то время я полулежу в неудобной позе, подтянув колени к животу, снова и снова прокручивая в голове навязчивые образы из незабытого прошлого, в которых *мы еще вместе, я и Влад.* Влюбленные, наивно считающие, что никто и ничто на свете не сможет нас разлучить. Наша первая встреча, его взгляд наотмашь и то сокрушительное впечатление, которое он произвел на меня, раз и навсегда поразив мое воображение.

Потянувшись к своей сумке, я достаю оттуда рабочий блокнот и, извернувшись в ограниченном пространстве верхней полки, принимаюсь по памяти вычерчивать его лицо простым карандашом. Ничего не получается, мои пальцы трясутся, к тому же, здесь слишком неудобно и темно, еще и непрошеные слезы лезут в глаза, здорово искажая обзор. В конце концов я с отвращением бросаю блокнот обратно в недра сумки и, жмурясь, сползаю ниже на своей полке.

Заснуть мне так и не удается. До самого рассвета я просто лежу на спине, бесцельно пялясь в темный потолок, слушая мерный стук вагонных колес и вспоминая ночь, *ту самую последнюю ночь*, заставившую меня спешно собрать вещи и сбежать навстречу новой жизни.

Глава 2

Несколько лет назад

– Смотри, какой красавчик! – толкает меня плечом Ирка, обращая мое внимание на парня, живущего в соседнем доме. Он будто нарочно уже несколько раз прошел мимо оккупированной нами лавочки, старательно делая вид, что совершенно нами не интересуется. – Между прочим, ты ему нравишься.

– С чего ты взяла?

– Да брось, Варька! Он же украдкой на тебя посматривает. Только не подходит к нам почему-то, – задумавшись, Ирка провожает парня пристальным взглядом и вздыхает. – Да ну его, тормоз какой-то. Но симпатичный.

Пожав плечами, я вновь утыкаюсь в альбом для рисования, который всюду таскаю с собой, не зная, в какой из моментов меня накроет спонтанным вдохновением.

На открытом листе уже нечетко вырисовывается чья-то голова, бесполая, так как я пока не решила, кому именно она будет принадлежать. Рисовать кого-то определенного не хотелось. В перерывах между касаниями карандаша к бумаге я рассеянно поднимала взгляд, озираясь вокруг в поисках свежих идей, но их все не было. Немногочисленные люди, проходящие мимо нас с Иркой, совсем не цепляли моего внимания. Поэтому, возвращаясь к своему прерванному занятию, я то и дело что-то стирала, добавляла, снова стирала, и в итоге уже долгое время страница альбома радовала глаз бесформенным наброском, глядя на который Ирка только фыркала, без всякой злобы отпуская ехидные комментарии.

– Варь, – зовет подруга, заметив, что я вновь сосредоточилась на альбоме. – Ты чего все время такая странная, а?

– Почему странная?

– Ничегошеньки тебя не интересует, кроме этой ерунды, – несмотря на вялое сопротивление, Ирка вырывает из моих рук альбом и трясет им в воздухе. Затем кладет себе на колени и принимается рассматривать мой многострадальный набросок, так и не оформившийся во что-то определенное. – Ну, вот что это такое, Варь? Я не понимаю. Какой-то… прессованный мяч? – предполагает она.

– Вроде того, – оскорбившись столь далеким от действительности сравнением, я пытаюсь забрать альбом из ее рук, но Ирка ловко уворачивается и пускается в дальнейшее изучение наброска.

– Нет,а правда, это что, Варь?

Я только собираюсь обиженно заявить, что это никакой не прессованный мяч, не дыня, не арбуз даже, а чья-то будущая голова, но спонтанно передумываю вообще что-либо говорить и только пожимаю плечами.

Оставив недоголову в покое, Ирка быстро перелистывает страницы назад, попутно рассматривая исчерканные карандашом монохромные листы, на которых оставались зарисовки отдельных предметов, вполне обыкновенных, но выделяющихся чем-то из множества других себе подобных. Не картины, просто случайные образы, которые мне по каким-то причинам захотелось перенести на бумагу.

– А это… – тянет, продолжая разглядывать мои труды. – Ой, это же я! Правда, я?

– Ты, ты, – подтверждаю, все-таки забирая альбом обратно.

– Слушай, Варь, а ведь и вправду очень похоже.

– Не совсем. Для полного сходства нужно было пририсовать тебе длинный нос.

Ирка смешно кривится:

– Зависть – плохое чувство, Варенька, – сетует, приобнимая меня за плечо, и резко вскидывает голову, глядя куда-то в сторону. – Ой, смотри, смотри. Опять наш мальчик идет.

Весело засмеявшись, она уже в открытую принимается буравить взглядом несчастного парня. Теперь и я обращаю на него внимание. Впрочем, рядом с деятельной Иркой решительно невозможно сосредоточиться на чем-либо кроме того, что выделяет она. Так повелось еще с первого класса, связавшего нас прочными узами дружбы – в нашей паре Ирка всегда была несомненным лидером, заводилой и бесперебойным генератором всех дурацких забав и придумок, а я, соответственно, прилежно исполняла роль девочки под влиянием, даже не думая оспаривать ее право первого голоса. Зачем, если из нас двоих она действительно лидер?

Вдруг покраснев, парень резко отворачивается от нас и даже будто бы ускоряет шаг. Глядя ему вслед, я могу поспорить на что угодно – сегодня он тут больше не появится. Видимо, Ирка думает о том же, потому что тему развивать не берется и вроде бы даже утрачивает интерес к незнакомцу, снова переключаясь на меня.

– А вот скажи, Варь, каким вообще должен быть парень, чтобы тебе понравиться? – огорошивает вопросом, чем вновь заставляет меня оторваться от альбома.

– А… С какой целью интересуешься?

– С целью удовлетворить любопытство, естественно. Ты не любишь болтать о парнях, не говоришь, если тебе кто-то нравится, воротишь нос от всех знакомых мальчишек... Я, как твоя лучшая подруга, не могу не задуматься над этим, понимаешь?

– Ну… Просто мне никто не нравится, вот и все…

– Вот именно! А кто мог бы тебе понравиться?

– Теоретически?

– Угу… Каким он должен быть?

– Так сразу не скажешь, – смеюсь, непроизвольно сминая нижний край альбома. – Он должен быть красивым… хотя нет, красивых не люблю, их трудно вынести. Скорее, мужественным. Да. Мужественным. И интересным. А еще…

– Да-да, – хохочет Ирка, даже не дослушав, и я улыбаюсь:

– Да!

– Я точно знаю, о чем ты подумала.

– Он не должен носить штаны в облипку, – на этой фразе мы, переглянувшись, дружно хохочем. Мальчишки, гоняющие мяч на площадке неподалеку, смотрят на нас с недоумением.

Отсмеявшись, мы с Иркой какое-то время молча наблюдаем за их игрой, хотя ни одна из нас никогда не интересовалась футболом.

– А если серьезно, – вновь пристает ко мне подруга, возвращаясь к обсуждению поднятой темы. – Давай... М-м… Давай ты попробуешь нарисовать идеального в твоем представлении парня, а потом мы вместе посмотрим, что у тебя получится? Мне правда интересно.

– Не знаю, – с сомнением перевожу взгляд на альбом и машинально принимаюсь обводить по контуру так и не оцененную Иркой голову.

– Ты классно рисуешь, а это будет для тебя неплохой тренировкой и возможностью проявить креатив.

– Да… Думаю, можно попробовать.

***

Тот разговор мог бы забыться, но с неожиданным для самой себя энтузиазмом я принялась за работу, в то время как проворная Ирка успела свести знакомство с тем самым застенчивым парнем, который, как оказалось впоследствии, испытывал интерес именно к ней, а вовсе не ко мне.

Так глупый девчачий треп ни о чем совершенно неожиданным образом предрешил мою дальнейшую судьбу. Спустя несколько безвозвратно минувших лет я все еще изредка размышляла о том, как же у меня получилось с такой точностью изобразить человека, которого я никогда прежде не видела, но который жил со мной в одном городе? Быть может, мы все-таки пересеклись где-то однажды, и я задержала на нем взгляд чуть дольше положенного, тут же позабыв об этом, но выудив впоследствии его образ из архивов собственной памяти? Черты его лица, резкие, даже немного грубоватые, отразились в моем подсознании отчетливым следом, а спустя несколько дней кропотливой работы над альбомом мои руки выписали их уже на белой бумаге…

Скорее всего, это так.

Произвольный портрет, не слишком аккуратный, сделанный будто бы второпях, где-то размытый, нечеткий, до сих пор хранится в ящике прикроватного столика в моей новой комнате. Я знаю, что ему там не место. По неизвестным причинам руки не поднимаются разорвать злополучный портрет на мелкие части или выбросить в мусорное ведро, тем самым лишив себя необходимости каждый раз возвращаться в воспоминания из на корню разрушенного прошлого. Чертов портрет по-прежнему существует в своем первоначальном виде. Он все еще очень мне дорог. Иногда я не в силах преодолеть странное чувство щемящей ностальгии, против воли достаю бумагу из ящичка и подолгу рассматриваю ее в свете настольной лампы. Днем у меня полным-полно других дел, и такого желания не возникает, но ближе к ночи, стоит сумеркам поглотить сонный город, как в мою голову начинают лезть странные навязчивые мысли о том, зачем вообще нам нужно было столкнуться друг с другом?

Почему я? Почему он?

И как можно было любить человека так до невозможности сильно, как любила его я?

Раз за разом смотрю в очерченные карандашом глубокие глаза, в жизни, не на рисунке, очень светлые, и невольно пытаюсь представить, что он сейчас делает и кого видит перед собой теперь, когда меня давным-давно нет рядом. Какую-нибудь потрясающую красотку, согревающую его постель длинными летними вечерами? Или подвешенный наверх плоский экран в любимом спортивном баре, куда они частенько заглядывали с друзьями? А может, он давным-давно уехал из родных мест в поисках лучшей жизни, как когда-то я сама? Может, он изменился, повзрослел, обрел другие привычки, напрочь убил в себе того, о ком я все еще помню, варварски превратив моего идеального мужчину в совершенно другого человека?..

***

Город, в котором прошло мое детство, приветствует меня сильным проливным дождем. Стоило посмотреть прогноз погоды, тогда, возможно, я догадалась бы захватить зонт, и мне не пришлось бы теперь мокнуть до нитки.

Спрыгнув со ступеньки поезда, перебрасываю через плечо дорожную сумку и, не обращая внимания на то, что вмиг промокшие волосы противно липнут к лицу, а свободная одежда, напитавшись влагой, льнет к телу второй кожей, направляюсь к выходу с перрона.

Раньше я жила вместе с бабушкой в небольшом частном домике почти на самой окраине Малиногорска, но вскоре после моего переезда бабуля неожиданно ошарашила всех новостью о своем замужестве и тоже сменила адрес, переехав в соседнюю область к своему новоявленному мужу. Дом продали, таким образом оборвалась последняя нить, связующая меня с городом моего детства. Я была уверена, что мне не придется больше сюда возвращаться, но судьба иногда подкидывает весьма странные шутки.

И вот я снова здесь. Хотелось бы мне заранее понимать, чем это обернется…

Путь до гостиницы не вызывает у меня никаких трудностей. Оформление всех необходимых бумажек занимает не так уж много времени. Вскоре я получаю ключ и поднимаюсь в отведенный мне номер.

Сбросив мокрую сумку на пол неподалеку от входной двери, сажусь на идеально заправленную постель и озираюсь, свыкаясь с безликой обстановкой комнаты. Димка не обманул, мне предоставили люкс, на первый взгляд очень чистый и комфортный. Две комнаты плюс узкий коридор и ванная, хорошая мебель, широкий телевизор, электрический чайник и холодильник в наличии. И все равно мне не хочется здесь задерживаться. Но выбора нет.

Чертов Димка…

Чертов семинар…

Поднявшись, я прохожу к окну и выглядываю наружу, в этот момент раздается звонок моего мобильного, который я так и не вытащила из сумки. Возвращаюсь к ней, достаю телефон и вижу на экране фото бабули.

– Привет, ба.

– Варечка, детка, я весь вечер не могла до тебя дозвониться. Твой телефон все время был отключен. Еще немного, и я бы точно потащила свои дряхлые кости на вокзал... У тебя все в порядке?

– Да, в полном. Не знаю, что с телефоном. Наверное, не было связи, – рассеянно предполагаю я, отходя обратно к окну.

– Связи?

– Я была в дороге, ба. Только недавно сошла с поезда.

– Ты вроде не планировала никуда уезжать, разве нет?

– У меня выдалась… спонтанная поездка. Это связано с работой, – говорю обтекаемо, еще не определившись, стоит ли сообщать бабуле о том, куда именно меня занесло.

– Мне всегда казалось, что иметь в начальниках хорошего друга сулит сплошные преимущества и поблажки, но твой Димка…

– Димка чудесный босс, бабуль, – улыбаюсь я. – Со мной вот ему не очень повезло, но он почти не жалуется.

– Еще б он вздумал жаловаться, – ворчит бабушка, но мысль не разворачивает и снова перескакивает на *довольно опасную* тему. – Так что там с твоей работой?

– Димка делегировал меня на участие в трехдневном семинаре для работников в сфере культуры.

– Семинар? Ты что-то там говорила про поезд…

– Да, видишь ли, проходить он будет в… В Малиногорске, – сознаюсь, зажмурившись на секунду.

– *Где?!*– предсказуемо реагирует бабуля, едва мои губы произносят название родного города. – Погоди, детка, я что-то плохо расслышала… Варечка, ты что, шутишь?

– Если бы, ба…

– Что ж, – она медлит и продолжает уже увереннее, – не думаю, что это такая уж большая проблема. Приятного мало, конечно, но если тебе не придет в голову дурацкая идея вспомнить прошлое, он даже не узнает, что ты была совсем рядом.

– Не волнуйся, я далека от дурацких идей, – кривлю душой, что ее совсем не успокаивает.

– Варя, я просто напомню тебе, что этот псих с огромным трудом оставил тебя в покое. Избегай его, избегай тех мест, где можешь с ним встретиться, и все будет в порядке.

– Я не видела Влада три года, бабуль, откуда мне знать, в каких местах он теперь… *водится?*

Она презрительно фыркает.

– Уверена, все в тех же, что и три года назад. Такие, как твой бывший муженек, никогда не меняются. Этим и привлек тебя в свое время гаденыш… Просто… Будь начеку, хорошо?

– Не волнуйся, – повторяю заевшей пластинкой.

– Если хочешь, я могла бы…

– Нет, – перебиваю, сразу сообразив, какое предложение за этим последует. – Тебе уж точно ни к чему сюда приезжать, ба. Я здесь исключительно по работе. Семинар закончится, и я сразу же вернусь обратно. На этом все.

– Как знаешь... Только звони мне почаще. Господи, Варечка, понятия не имею, как я сегодня усну…

Сбросив вызов, с тоской кошусь на свою сумку, не имея ни малейшего желания ее разбирать, и решаю сперва немного прогуляться по городу.

Наш с бабушкой домик был расположен в другом районе, но неподалеку от гостиницы, насколько я помню, раскинулся уютный парк, в котором всегда было немноголюдно, именно поэтому время от времени меня тянуло именно туда. Когда-то я приходила в парк порисовать в одиночестве. Мне нравилось бродить по узким каменным дорожкам, припорошенным листвой, разглядывая огромные многолетние деревья, чьи кроны сводились высоко над моей головой так тесно, что сложно было рассмотреть небо.

Были мы здесь и с Владом, но нечасто. Его совсем не интересовала природа, но он вбил себе в голову, что моему желанию побыть в парке способствует что-то посущественнее поисков вдохновения, поэтому таскался следом, все надеясь подловить меня на чем-то, уличить во лжи, поймать на горячем. Бывало, мой бывший просто поражал широким размахом своей прогрессирующей паранойи. Иногда мне казалось, что я начинаю тихо его ненавидеть. Но моя любовь к нему перекрывала весь генерируемый им лютый негатив, я обожала своего супруга, жизни без него не мыслила, поэтому мирилась с его многочисленными недостатками и терпела все его дрянные выходки. Потому что любила, как ненормальная, да. Я сама не представляла, что способна так сильно кого-то любить.

Прогулка действует на меня благотворно. Выпив чашку кофе в уютной маленькой кафешке, которую обнаруживаю тут же, в парке, какое-то время я еще сижу на летней террасе, просматривая почту в телефоне. Письмо от Димки не раскрываю, там рабочие материалы, которые я без спешки прочту вечером уже из своего номера. Еще несколько писем по работе. Заскучав, пролистываю новостную ленту, затем нахожу группу, посвященную жизни родного города, и с чувством легкой ностальгии просматриваю фотографии знакомых мест. Многое здесь изменилось, но многое осталось прежним, вызывающим ощущение внутренней теплоты и какого-то полузабытого родства с этим местом. Все же оно мне действительно *родное.*

На автомате пролистываю заметку об автомобильной аварии, не вчитываясь в текст, но вдруг застываю, почувствовав, как по моей коже прокатывается легкий озноб. Медленно возвращаю новость обратно на экран. Смотрю на жуткую груду металла, оставшуюся от разбитого автомобиля, против воли в красках воображая себе, *что*могло стать с водителем, затем перевожу взгляд на номерной знак и нервно сглатываю. Нет. Господи, не может быть. Но… Но я уверена, что не ошибаюсь.

Эти цифры… Это машина дяди Семы, отца Владлена и моего бывшего свекра, никаких сомнений.

Боже мой…

Ставлю блокировку экрана, откидываюсь на спинку стула и закрываю глаза, с трудом пытаясь перебороть охвативший меня страх и ужас, а в голове бьется всего одна оглушающе громкая мысль:

Не может быть, этого просто не может быть.

Снова хватаю телефон, несколько раз перечитываю заметку, но не нахожу ничего о том, что стало с водителем.

А что, если за рулем машины дяди Семы был Влад?..

Нет. Невозможно.

Но это *не исключено.*

На автомате забираюсь в список контактов, листаю… Почти сразу после развода я удалила из памяти своего телефона номер Влада, но карточку его отца не тронула. С дядей Семой мы всегда хорошо ладили. На самом деле, он относился ко мне намного лучше, чем я того заслуживала, но из-за моего разрыва с его сыном мы, конечно, утратили связь и больше не общались. Однако у меня почему-то даже мысли не возникло удалить его номер.

Возможно, он уже неактуален, за прошедшие три года Семен Егорович много раз мог его поменять. Но с гулко бьющимся сердцем я нажимаю на кнопку вызова и вскоре слышу, что *абонент недоступен.*

Но это меня не останавливает. Листаю список контактов дальше. Палец зависает над именем *«Татьяна Олеговна».* Моя бывшая поистине незабываемая свекровь. Леди Терминатор. С ней мы так и не нашли общий язык, хотя поначалу я из кожи вон лезла, стараясь понравиться этой строгой заносчивой женщине, пока не поняла, что любые мои усилия заранее обречены на провал. Однажды в порыве вдохновенной фантазии, глубокой наивности и искреннего желания доставить ей удовольствие я нарисовала Татьянин портрет, а она за это смертельно на меня обиделась, хотя рисунок получился отличным – это подтвердили все, кому довелось его лицезреть. Только одной Татьяне виделись *«намеренно искаженные черты лица, тяжело выпирающий подбородок»* и, как ни странно звучит, *«многоговорящий оскал».*

Поразительно, но ее небрежный пассаж про такой оригинальный оскал я помню очень ясно, как будто некто напоминает мне о нем каждое утро в строгий унисон со звонком будильника и гневным Татьяниным: *«Хамка! Вот такой ты, значит, меня представляешь?».*

Татьяна Олеговна считала меня недостойной своего сына и упорно демонстрировала как мне, так и всем окружающим, что день нашей свадьбы с Владом навеки отпечатался в ее памяти, как самый ужасный в ее жизни, а я допускала, что она может быть права.

Что, если и правда я во всем виновата?

– Говорите, – оглушает меня резкий приказ.

Этот голос, твердый, с неизменными металлическими нотками и грубой отрывистостью каждого слова, как незваный гость из прошлой жизни, остро режет по моему обострившемуся слуху. Даже спустя несколько лет я так отчетливо помню его, как и манеру бывшей свекрови разговаривать вне зависимости от того, кто перед ней – свой или чужой.

Я для нее всегда была именно *чужой.*

– Здравствуйте, Татьяна Олеговна. Это Варвара, – в моем случае рассчитывать на мгновенное узнавание не приходится, поэтому я представляюсь сразу.

– Варвара?

У меня язык не поворачивается добавить что-то вроде *«ваша бывшая невестка».*

– Я случайно узнала об аварии… – начинаю и осекаюсь, подумав внезапно о том, что машину вместе с номерами дядя Сема мог продать, и тогда мой звонок выглядит для бывшей свекрови на редкость по-идиотски.

– Откуда ты узнала?

Нет, все-таки не ошиблась…

– Пожалуйста, скажите, что произошло?

– Варвара…

– Татьяна Олеговна, *пожалуйста,* – быстро перебиваю я, тонко уловив момент, в который она сообщит, что дела их семьи – давно уже не мое дело, и сбросит звонок.

– Мой муж попал в аварию. Что конкретно ты хочешь услышать?

– Как он?

– Семен в больнице. Состояние неважное, но врачи говорят, что опасности для жизни больше нет. Машина всмятку. Просто чудо, что там ничего не успело загореться до того, как к месту аварии подоспела помощь.

– Боже мой…

Семен Егорович остался в моей памяти одним из самых приятных людей, с которыми меня когда-либо сталкивала жизнь. В отличие от своенравной супруги, он никогда не судил предвзято, на все смотрел сквозь призму подчас неоправданного, но присущего ему оптимизма, заряжая отличным настроением всех вокруг. Наверное, поэтому они всегда жили с Татьяной душа в душу, в чем-то ограничивая, а в чем-то, наоборот, успешно дополняя друг друга. В свое время Семен Егорович безоговорочно принял внезапное известие о том, что я теперь законная жена его сына, без сомнений и колебаний приписав меня в члены своей семьи, а однажды даже назвал дочкой, признавшись, что относится ко мне именно так. Создавалось впечатление, что наш стихийный разрыв с Владом свекор переживал даже сильнее меня, не скрывая своей надежды на то, что мы с его сыном все-таки образумимся и не станем крушить сгоряча. Его пожелания не оправдались.

– Варвара, – зовет Татьяна Олеговна, и я вновь приближаю трубку к уху. – Ты что, вернулась в Малиногорск?

– Д-да, – мне бы хотелось соврать ей, вот только я никогда не могла лгать этой женщине. – Но я скоро уеду обратно.

Черт, как будто оправдываюсь за само свое существование!

– Где ты находишься? – вдруг спрашивает леди Терминатор.

– В парке.

Отличный ответ. Впрочем, ее вопрос не лучше.

– Послушай, ты ведь наверняка захочешь съездить в больницу к Семену, так?

– Да, мне… хотелось бы его увидеть.

– Я собрала для него кое-какие вещи, но меня срочно вызывают на работу, поэтому я не могу отвезти их в больницу сама. Если бы… – железная дама вдруг запинается, впервые на моей памяти не зная, как подобраться ко мне *с осознанной просьбой*, – если ты все равно собираешься навестить Семена, может, съездишь к нему прямо сейчас и заодно передашь сумку?

– Хорошо, – легко соглашаюсь я, лишь спустя пару мгновений сообразив, что самолично подписалась *посетить дом,* в котором меньше всего хотела бы появляться.

Но Татьяна Олеговна продолжает шокировать:

– Я завезу тебе сумку по пути на работу. Скажи, куда мне подъехать?

Едва я говорю ей, что буду ждать возле входа в парк, как из трубки мне в ухо летят прерывистые гудки – ни намека на дежурное прощание, в этом Татьяна осталась себе верна.

Глава 3

Владлен

– …И мама сказала, что если Татьяна Олеговна так любит темные тона и оттенки, то пусть занимается организацией похорон, а на нашей свадьбе все должно быть светлым, легким, таким… таким… *воздушным,* что...

– А? Чего? – вздрагиваю, резко очнувшись от глубокого фонового сна, в который меня загнал этот бесконечный треп ни о чем.

Последние минут десять я тупо дремал с открытыми глазами, напрочь отключившись от реальности. Слушать Алёнку сверх нормы вообще чревато для любой нервной системы, а моя и так все чаще демонстрирует наличие сквозных дыр, в которые благоверная все равно лезет с завидным упорством.

– Ты что, не слушал? – возмущенно шипит Алёна, пихнув меня в бок острым локтем. – Это черт знает, что такое! Я, значит, рассказываю тебе о том, как мама пыталась доказать Татьяне Олеговне, что…

Бла-бла-бла… Я медленно моргаю.

– Детка, ты еще не забыла, где мы находимся? – спрашиваю у начавшей закипать Алёнки, меньше всего желая огрести на свою голову очередной скандал.

Благоверная несколько сбавляет обороты, но совсем сбить ее с толку у меня не выходит.

– Владик, твой отец вовсе не при смерти. Он ведь сам сказал, что не потерпит, если из-за этой… *жуткойнеприятности* мы перенесем нашу свадьбу.

– Положим, он говорил совсем другое.

– Ты просто не слушал! Семен Егорович мне лично пообещал сплясать гопак на нашем вечере.

– Со сломанной ногой? – приподнимаю бровь.

– А… – Алёнка, наконец, затыкается и с сердитым видом переворачивает страницу придурочного журнала *«Ах, эта свадьба!..»*

Тупее и бесполезнее издания я в жизни не видел.

Конечно, Алёна втирает мне невообразимую чушь, но отец в самом деле старается выглядеть молодцом, даже несмотря на мучащие его постоянные боли, пару сломанных ребер и обездвиженную конечность. В этом весь он. Я вообще не помню, чтобы отец когда-нибудь грузился проблемами, жаловался или хоть как-то давал понять окружающим, что в этой жизни ему, как и всем смертным, бывает довольно хреново. У него *нереальная* сила воли. У меня вот нет. Я никогда этим не отличался, но в отце данное качество безмерно уважал, как, впрочем, и многие другие, не передавшиеся мне от него по наследству.

– Оййй! Какая прелесть, – вновь оживляется Алёнка и принимается активно пинать меня свадебным журнальчиком, подсовывая мне под нос очередную страницу с традиционно тупым содержанием.

Чтобы отвязаться от благоверной, я покорно опускаю глаза на глянцевую бумагу и едва подавляю смешок – моя будущая супруга с воодушевленным видом тычет заостренным цветным ногтем в костлявую модель, кокетливо придерживающую корсет длинного белого платья на нулевой – я специально посмотрел – нет, правда, *нулевой* груди.

– Ты в него не влезешь, – задумываюсь стихийно, потирая подбородок указательным пальцем и вроде как желая быть полезным, но Алёнка вдруг решает смертельно оскорбиться:

– *Чегооо?!*

– Точнее, кое-какие твои *особенно*выдающиеся части, – повожу бровью, подумав, что выдержал сегодня достаточно раздражающего дерьма, чтобы позволить себе немного подраконить любимую благоверную, тем более что она быстро отходит.

Алёна предсказуемо надувает губы:

– По-твоему, я толстая, да?

– Нет.

– Ты… Ты назвал меня толстой, идиот!

Да хоть распоследний мудак – какая, нахрен, разница, если теперь у меня есть *минут десять*благоговейной тишины, не омрачаемой острой необходимостью слушать всякую чушь и восхищаться тряпками белого цвета, которыми кишат страницы Алёнкиной свадебной муры. О большем мечтать уже не приходится.

Надувшись, благоверная снова утыкается в свой журнал.

Мы давно с ней знакомы. Мать вечно приглашала к нам домой свою лучшую подругу, а та зачем-то время от времени притаскивала с собой мелкую дочь, которую не с кем было оставить. Алёнка всегда была редкой красавицей. Темноволосая, с большими наивными глазами и пушистыми ресницами, немного пухленькая, что было ей только к лицу. Тем не менее, я долго не обращал на нее никакого внимания. Тихая незаметная девчонка, чинно сидящая по правую руку от своей жеманной мамаши, долгое время была для меня всего лишь ее *обязательным приложением.*И лишь месяцев так девять-десять назад я вдруг посмотрел на Алёну другими глазами, отметив про себя то, чего не замечал раньше – миловидное личико, на удивление вытянувшуюся и постройневшую фигуру, округлые бедра, пышную аппетитную грудь, на которой, исходя из жалоб Алёнки, *не сходится ни один свадебный корсет.*Она упрямо метала в меня взгляды-молнии, безмолвно обещая продемонстрировать всю эту роскошь в более интимной обстановке, пока я не решил, что глупо упускать шанс потискать такую девчонку, раз уж она сама так наивно плывет в мои руки.

Какое-то время мы с ней просто оттягивались, не задумываясь над тем, что наши отношения могут перерасти во что-то большее, чем взаимное получение удовольствия без лишних обязательств. Мне просто нравилось ее трахать, к тому же, в моей нелепой жизни, по отдельным характеристикам больше походящей на дикий театр абсурда, наметилось наконец хоть какое-то постоянство, что меня более-менее устраивало. Я мог заявиться с Алёной на какое-нибудь празднество ее скучных недалеких друзей, чего вообще-то терпеть не мог; иногда брал ее с собой на редкие сборища своих раздолбаев-приятелей, вздумавших провести вечер в окружении дражайших половин. Но все же в своем кругу я предпочитал находиться без балласта в виде благоверной, чтобы можно было расслабиться и не следить за тем, как бы не ляпнуть *чего-то такого*самому, а заодно не дать ляпнуть кому-нибудь из несдержанных на язык приятелей. Иначе остаток вечера можно провести в жесточайшей осаде, среди горы разбитой посуды или еще чего-нибудь особенно хрупкого.

Но это дерьмо характерно для всех пар, я думаю. Лично мне довольно трудно представить, что кто-то искренне способен получать неподдельное удовольствие от бесконечного совместного времяпровождения со своей половиной, не раздражаясь искусственным ограничением собственной свободы и тупо довольствуясь самым малым – *призрачной нитью, связавшей два любящих сердца,*или как там пишут в любимых Алёнкиных книжонках для романтичных имбецилов, которые она иногда мне цитирует, требуя восхититься *красотой авторского слога.*

Хотя…

Возможно, все-таки существуют исключения даже из моего негласного правила. Нет, они точно существуют. Еще какое-то время назад я мог бы даже привести этому вполне конкретный пример…

– Влаааад! – чересчур громкий вопль заставляет меня немедленно вынырнуть из мрачных раздумий и вновь обратить сместившееся внимание на Алёну.

– Детка, ты что, помешанная? Какого хрена вопишь на всю больницу?

– О, Боже, – не обратив внимания на мое шипение, она резво вскакивает на ноги и сминает в руках свою крохотную сумку. Мне никогда не понять, как у Алёнки вообще получается вместить туда что-либо, помимо тюбика ненавистной мне губной помады, однако там на самом деле полным-полно всякого девчачьего мусора. – Я забыыла! У мамы же прямо сейчас примерка! Я обещала, что отвезу ее в ателье, но у меня все вылетело из головы из-за тебя, из-за того, что торчу тут с тобой…

– Давай-давай, любимая, отправляйся к своей маме, – с готовностью поддерживаю я, а в следующий миг едва не давлюсь словами от ее нетерпеливого требования:

– Владик, дай ключи от своей тачки.

– А это еще с какой стати?

– С такой, что я уже никуда не успеваю, – Алёнка едва сдерживается, чтобы не топнуть капризно ногой.

Сместив взгляд на ее высоченные ходули, я мучительно колеблюсь с ответом, так как совсем не хочу давать Алёне свою машину, особенно после недавней истории о том, как она безжалостно расколошматила зад тачки своего папаши, с туполобым упрямством пытаясь втиснуться между двумя автомобилями, припаркованными довольно далеко друг от друга. Послушав эпичные подробности происшествия, мы с отцом ржали, как кони, под хмурые аккомпанементы трех пар глаз – моей матери, моей же будущей тещи и, собственно, Алёнкиных. Нет, это выше моих сил – собственноручно передать управление своей любимой машинкой в ненадежные руки благоверной. Да даже если не брать в расчет сомнительные навыки ее вождения, мне просто не хочется, чтобы она трогала мои вещи, переделывала под себя водительское кресло, меняла радиостанцию со старого доброго рока на плебейский «*туц-туц-туц*», предназначенный только для того, чтобы не перегружать *самый мизерный*мозг…

Но выбора не остается.

Черт.

– Держи, – я нехотя перебрасываю ей ключи от своей тачки, ловлю благодарный поцелуй и некоторое время слушаю удаляющийся цокот невообразимо длинных шпилек по больничному кафелю.

Проклятье, на этих ходулях она раздолбает мою новую машину в хлам с вероятностью в… девяносто… мать ее…

Дурак! Надо было отправить Алёнку на такси.

Да, вот прям так сразу она и отправилась!

С ума сойти, какая же веселая и насыщенная семейная жизнь ожидает меня в скором будущем…

Усмехаюсь невесело, даже качаю головой, от нечего делать тяну руку к оставленному Алёнкой журналу. *«Ах, эта свадьба!..»,*чтоб ее… Гребаные маркетологи… Чуть пролистываю дальше. Прожженные опытом журналистки в навязчивой форме предостерегают молоденьких невест «*не давать спуску*» своим будущим мужьям, а заодно пытаются доказать, что в организации свадебного торжества должны принимать участие двое. *Двое, б***ь!*В нашем случае там орудует уже целая толпа двинутых по всей фазе свадебных маньяков.

В крайнем прискорбии поджимаю губы и с мыслью, что так фатально глупеть мне пока еще рановато, собираюсь закрыть тупейший выброс типографии, но в этот момент замечаю краем глаза, как со стороны лестницы прямо сюда выворачивает невысокая тощая блондинка в светло-голубых джинсах и темной кофте. В руках у нее что-то вроде спортивного баула. С такого расстояния я не могу ее толком рассмотреть, но что-то в ее облике вдруг кажется мне очень знакомым.

Ерунда.

Отвернувшись от блондинки, захлопываю разложенный на моих коленях журнал и со скучающим видом принимаюсь рассматривать невнятную грудастую девицу на обложке.

Шаги, легкие, почти неслышные, становятся громче. Свернув журнал в трубочку, кошусь на закрытую дверь палаты отца. Он еще спит, и его не следует беспокоить раньше времени. А я с некоторых пор могу не заботиться о своем графике, поэтому никуда не спешу.

Кто-то останавливается совсем близко. Вновь повернувшись, скольжу взглядом по все той же мелкой блондинке и…

Замираю, опешив от неожиданности.

Что еще за черт?

Это… невозможно. У них в больничной столовой вода что ли какая-то *не такая?*С легкими примесями чего-нибудь проспиртованного, вызывающего яркие зрительные галлюцинации даже у вполне себе здоровых людей?

Впервые в жизни я не верю собственным глазам.

Меня тупо стопорит. Неведомо откуда взявшийся светловолосый призрак кажется *слишком реальным*для издевательского видения, способного разорвать на части мои едва сращенные нервы. Все, что я могу теперь сделать, это подняться и встать напротив нее, не слишком близко, всего в паре ничтожных шагов, которые слишком легко преодолеть и *подступить к ней вплотную.*Можно протянуть руку и коснуться ее плеча, просто чтобы убедиться в реальности происходящего и том, что нет, я все же не спятил, меня не глючит.

Это она…

Стоит напротив и молча смотрит мне в глаза снизу вверх, даже не думая отвести своего взгляда.

Это… какой-то жесткий ступор. Таращусь на нее с видом законченного барана, не двигаясь и не пытаясь хоть что-то из себя выдавить. Язык делается свинцовым и напрочь прилипает к нёбу. Вся кровь резко ударяет мне в голову внезапным проблеском разумной мысли – *это и правда никакие не галюны, не последствия нескольких бессонных ночей и даже не банальный сон, только что буквально срубавший меня возле больничной палаты отца.*

Не знаю, как такое возможно, но сейчас передо мной в самом деле стоит*именно она*.

Моя бывшая жена. Моя…

*Б***ь, отвисай уже, мать твою.*

Мысленно отвесив себе парочку отрезвляющих затрещин, переступаю с ноги на ногу и вновь замираю без движения.

*Проклятье.*Нужно срочно что-то сказать, что угодно вообще, но ни я, ни она не делаем ничего для того, чтобы разрядить стихийно накалившуюся между нами атмосферу.

Внешне она совсем не изменилась. Невысокая и такая маленькая, хрупкая. Светлые некрашеные волосы свисают мокрыми сосульками по обе стороны четко очерченных плеч. Ну да, на улице дождь, а у нее в руках не видно зонта. Красивые карие глаза в очертании темных ресниц смотрят прямо на меня, взглядом проникая в самую душу, от которой *ее же стараниями*теперь мало что осталось. Так, жалкие несуразные обломки. И *ее имя*в черной пыли моих вхлам истрепанных чувств. Эти дьявольские глаза неумолимо сжигали меня живьем раньше, когда она еще имела надо мной безраздельную власть… Впрочем, сейчас, находясь под острым прицелом ее взгляда, я как никогда осознаю, что столь непостижимая сила, какой владела эта чертова ведьма с первой минуты нашего знакомства, не иссякает даже с течением времени.

Лучше б она отвернулась. Или вовсе убралась прочь.

Черт возьми, откуда вообще она тут взялась?!

А это еще что такое?

То, что я издалека принял за спортивный баул, вблизи оказывается старой сумкой, очень похожей на ту, с которой отец раньше ходил в спортзал по понедельникам и средам.

Или это она и есть?

Что тут вообще происходит, а?

– Это ты, – глупо констатирую очевидный факт, заставив себя снова посмотреть на бывшую жену.

Она неловко разводит руками:

– Здравствуй, Влад.

«Здравствуй»!

Уже за одно это гребаное *«Здравствуй»*в ее непревзойденном исполнении я должен был взбеситься до предела. Если она намеревалась вывести меня из себя, то выбрала самый действенный, а главное, очень короткий способ достичь своей цели.

Но вместо того, чтобы дать волю прорастающей изнутри злости на нее, резко и доходчиво вправить бывшей супруге ее куриные мозги, а заодно показать, в какой стороне находится выход, я растягиваю губы в деланой ухмылке, выбирая самый извращенный путь ведения с ней *диалога.*

– Теперь вижу, что точно ты. Кому еще придет в голову сказать мне «*Здравствуй*»?

В явном непонимании она поднимает на меня взгляд, который теперь, когда я все же сумел распахнуть рот и заговорить с ней, то и дело отводит в сторону, делая вид, что необычайно интересуется скорбным больничным интерьером, светлыми стенами и не слишком чистым напольным покрытием.

– Что именно тебе не понравилось?

Мне и раньше мало что нравилось, но с той злополучной секунды, как я повернулся и увидел, как возле меня останавливается *моя бывшая жена*со старым отцовским баулом, все будто перевернулось с ног на голову, стало другим, гротескно мрачным, непонятным даже после экспресс-анализа, автоматически проведенного моей расшатанной нервной системой. Я не был готов к тому, что теперь происходит, поэтому здорово злюсь и ничего не могу с собой поделать.

– Что ты здесь делаешь? – проигнорировав ее вопрос, не слишком вежливо задаю встречный.

– Я случайно узнала об аварии и…

– *Как* ты узнала?

– Прочла заметку в новостной группе. А после Татьяна Олеговна…

– Значит, мать тебе сообщила? – вновь перебиваю, понимая смутно, что веду себя, как полный дебил, но не имея никакой возможности пересилить свою к ней *антипатию,*обостряющуюся с *каждым*ее произнесенным словом, *каждым*моим взглядом на бывшую супругу. Это в самом деле до тошнотворного походит на глупое бессмысленное наступление, о чем мы оба знаем. *Она знает.*

– Не совсем, – Варвара ничуть не меняется в лице. – Я сама позвонила Татьяне Олеговне после того, как увидела новость об аварии. Твоя мама попросила меня завезти сюда вещи, – нахмурившись, она бросает старую сумку отца на сиденье, где я недавно просиживал задницу, и, устроив на груди руки, разворачивается обратно ко мне с таким видом, точно принимает исходящий от меня безмолвный вызов.

– Что ж, – тяну размеренно, не сводя с нее придирчивого взгляда. – Забавно…

– Не вижу ничего забавного, – теперь ее голос звенит от плохо скрываемого раздражения. Резко отвернувшись, Варвара принимается рассматривать дверь, ведущую в палату отца. Теперь я вижу ее только боком.

*Ну и ситуация.*Удружили так удружили, господа родители! Я вообще удивлен тем, что мать стала с ней разговаривать, более того, еще и *попросила*ее о чем-то.

*Полный звездец.*Моя бывшая жена считает меня никчемным психом и полным ничтожеством, недостойным даже чтобы просто говорить со мной, а сам я с ней рядом чувствую себя желторотым птенцом, выпавшим из теплого гнезда в огромный враждебный мир.

Мой взгляд против воли падает на больничное сиденье. Рядом с отцовской сумкой по-прежнему лежит пресловутая макулатура *«Ах, эта свадьба!..»* Нужно было просто выбросить это дерьмо. *Интересно, Варька тоже видела?*Конечно, видела, не слепая же...

Наплевав на возможную реакцию бывшей супруги, я наклоняюсь к сиденью, сгребаю чертов журнал и за неимением поблизости урны или чего-то подобного засовываю его в отцовскую сумку. Переставляю баул на сиденье рядом.

– Садись, Варь, – предлагаю нехотя, нарушив повисшую между нами неловкую тишину.

Признаться, назвать бывшую по имени далось мне с заметным трудом. К горлу подступает противный ком, а в голове эхом на все лады перекликается дурашливое «*Ваааарь…*», за которое я готов вырвать себе язык, повернувшийся назвать ее имя.

Она снисходит взглянуть в мою сторону.

– Как хочешь, – равнодушно прибавляю я, больше не глядя на нее. – Папа спит, так что ждать тебе еще долго. Хотя можешь просто оставить сумку мне, я ему передам.

Мое предложение улетает в пустоту. Помешкав, Варвара все-таки садится на освобожденное мной место и, ни слова не говоря, вновь упирается взглядом в дверь палаты. Все, лишь бы не смотреть в мою сторону. *Понимаю.*

Поддаваясь безотчетному желанию оказаться к ней ближе, сбрасываю сумку отца под ноги и сажусь рядом с Варварой, едва удержавшись, чтобы намеренно не задеть ее локтем. От моего внимания не ускользает, как она тут же инстинктивно отодвигается на самый край, демонстрируя тем самым, что не желает терпеть моей вынужденной близости.

Стерва.

– В тот вечер отец возвращался домой с дачи. Дождь зарядил такой, что видимость была ни к черту. Там только тупо двигаться наугад или примоститься к обочине и ждать, пока распогодится, но ждать он не захотел. Его машину сильно занесло, дорога из-за ливня была, как каток, а с поворота ему навстречу уже несло другую потерявшую управление тачку, – хмуро говорю я, глядя себе под ноги.

Краем глаза замечаю ее мокрые кроссовки, носы которых смотрят на дверь отцовской палаты, и в башку мне против воли лезет старая ерунда про то, что человек, который чувствует к тебе симпатию, неосознанно разворачивает ноги в твою сторону...

– Нам позвонили, когда отца уже везли в больницу на «Скорой». Сам он был без сознания.

– Семен Егорович сильно пострадал?

– Прилично. Его зажало при ударе, сломаны ребра и правая нога, по всему телу куча гематом и ссадин.

– Какой ужас… – тихо шелестит бывшая. – А… что говорят врачи?

– Что с ним все будет в порядке. И это правда. Он выкарабкается, иначе просто быть не может.

– Семен Егорович всегда был таким аккуратным за рулем. Не могу поверить, что с ним такое случилось…

– Да, отец вообще-то не лихачит на дороге. Он самый примерный водитель из всех, кого я когда-либо знал. Но от аварий не застрахован никто, потому что вокруг куча летающих шумахеров и просто дебилов, которым на примерных водителей плевать. На одного такого он и нарвался.

– Знаешь, когда я увидела фото разбитой машины, то подумала, что… – начинает Варвара, но вдруг резко осекается и замолкает.

– Что? – подгоняю, так и не дождавшись от нее продолжения.

– Так… ничего.

– Ты подумала, что за рулем его тачки мог быть я?

– Д-да… – признает нерешительно, сминая свои пальцы. – Вроде того.

– К сожалению, внутри был мой отец. Я давно уже не езжу на его машине.

– Вот как… – бормочет Варвара и затыкается.

Все это время, пока мы ведем тяжкое подобие *типа-разговора,* я украдкой кошусь в ее сторону, старательно делая вид, что по-прежнему рассматриваю не блещущий чистотой больничный пол. Носки ее кроссовок так и не повернулись к моей обуви. *Б***, че за бред вообще…* Взгляд мой смещается на ее сжатые между собой руки, и в этот момент я ощущаю, как меня резко прошибает оторопью изнутри.

На среднем пальце ее левой кисти красуется довольно приметное крупное кольцо.

Я сижу справа от Варьки, поэтому мне не слишком хорошо его видно, но я отлично знаю, что представляет собой эта гребаная вещица. Две верхние дужки поддерживают хрупкую бабочку, тельце и крылья которой больше походят на две повернутые друг от друга, но тесно соприкасающиеся вертикальным основанием буквы «*В*».

«– Влад, смотри, какие классные! В и В… Эти кольца как будто сделаны специально для нас…»

До боли прикусив внутреннюю часть щеки, бросаю быстрый взгляд на свою левую руку и точно такое же кольцо на среднем пальце, которое таскаю по устоявшейся привычке уже кучу лет, потому что...

Вот черт.

А она зачем носит свое?

Из оцепенения меня выводит звонок моего мобильного. Уже по одной мелодии понимаю, что это Алёнка. Можно не сомневаться, благоверная успела придумать для меня что-нибудь новенькое в своем духе и теперь жаждет засорить мое внимание очередной чепухой, мастерски раздутой ею до размеров *нереальной проблемы.* В сотый раз перетирать порядком осточертевшую мне тему с цветом скатерти праздничного стола и всевозможных салфеток, тем более в присутствии Варвары, не слишком хотелось, но проигнорировать звонок, не вызвав у бывшей вполне объяснимого недоумения, у меня явно не выйдет.

Вновь покосившись на Варьку, продолжающую безучастно таращиться на стену перед собой, я молча подношу трубку к уху, точно зная, что мне не придется ничего говорить. Так и выходит.

– Милый, это ужасно, кошмарно, невыносимо! – плаксивым голосом заводит Алёна, и в моей голове тут же вспыхивают весьма нехорошие подозрения:

– *Что* с моей тачкой?!

– Э-э… что? При чем тут твоя машина? Ах, неважно! Ты только представь себе, маме совершенно не нравится костюм, который ей сшили для нашей свадьбы. Визуально он получился слишком узким, а еще из него кое-где торчат нитки. Она в ярости и жутко расстроена... Я пыталась уговорить ее хотя бы померить этот чертов костюм, но она уперлась и ни в какую не хочет меня слушать. И выбирать что-то другое не хочет тоже! Хочет обратиться к другой швее, но это… это *катастрофа,* ты понимаешь?! Придется все переделывать с самого начала. А если мы не вложимся в сроки? Я… не знаю, что делать. Мама настаивает, чтобы ее наряд непременно гармонировал с нарядом Татьяны Олеговны, вот почему она хочет именно *шить на заказ,* но она забыла, какого цвета будет будущее платье твоей мамы…

– Как же, забыла. Они даже во сне это обсуждают.

– Положим, цвет мама помнит, *а оттенок?* Знаешь, синий синему рознь.

– Они обе будут в синем? – представив такую картину, я едва не хватаюсь за голову от спонтанно охватившегося меня ужаса.

– Да какая разница, в каком цвете? Я тебе толкую про оттенки, а не про цвета.

– Цвета? Оттенки?

– Ты что, *опять* меня не слушаешь?!

– Мм… – меня жестко клинит.

– Влад, ну что ты молчишь? Я, между прочим, жду ответа.

– Ответа?.. – бросаю беспомощный взгляд на Варвару. – *Какого?*

– Да никакого! Когда мне так нужна твоя помощь, ты отмораживаешься и не хочешь ни во что вникать… Знаешь, иногда ты просто невыносим, – раздраженно вздыхает Алёнка, давая понять, как ей осточертела моя недальновидность в столь важных вопросах, как цвета, оттенки и всякая подобная мура. – Ладно, забей, я сама созвонюсь с Татьяной Олеговной и все у нее узнаю.

Вот она, самая здравая мысль от Алёны за всю эту нереально долгую неделю, вытянувшую из меня неимоверное количество жизненных сил и природного оптимизма. Непонятно, с какой стати она не пришла в голову моей благоверной чуть раньше, хотя бы *до текущего звонка?*

Убираю телефон, надеясь, что Варвара не слышала этого феерически бредового разговора, но она, кажется, и не прислушивалась, давным-давно забив на все, что так или иначе касается меня. У нас разные жизни. Ей плевать, что там у меня происходит. Вот и отлично. Мне тоже абсолютно параллельно, что происходит у нее, меня это вообще никак не касается. Может, она давным-давно замужем и выносит мозг какому-нибудь лоху еще хлеще, чем моя Алёнка…

В этот момент в поле моего зрения появляется лечащий врач отца, и я поднимаюсь ему навстречу, радуясь возможности прервать вынужденное уединение с бывшей женой.

Глава 4

Варвара

Я знала о том, что Владлен будет в больнице, Татьяна Олеговна сухо сообщила мне это, когда передавала вещи для Семена Егоровича.

Признаться, после ее слов я едва подавила в себе малодушное желание сослаться на внезапно возникшие неотложные дела и перенести свой визит в больницу на другое, *более позднее* время, когда Влада там уже *совершенно точно* не будет. Но потом покосилась на сумку, переданную мне Татьяной, и тяжело вздохнула, понимая, что трудный выбор за меня уже сделали.

Нельзя теперь просто взять и отказаться туда ехать. Я буду выглядеть полной дурой, если сейчас отступлю. Разумеется, Влад узнает об этом и сразу же поймет, почему я так спонтанно передумала навещать Семена Егоровича. Бывший решит, что я жалкая ничтожная трусиха, которая страшится встретиться с ним лицом к лицу. *Вообще-то, так и есть, но…*

Я не жалкая и не трусиха!

Но встретиться с ним спустя три года после того, как…

Нет.

…Как и какого-либо другого выбора, если я не хочу показать ему, что пасую.

Да, встреча с бывшим мужем дастся мне нелегко, это очевидно, но все же я решаю идти до конца. И будь что будет.

Владлена я замечаю еще издали, когда только поднимаюсь на нужный этаж. Он сидит напротив одной из палат, расположенных ровным рядом вдоль длинного коридора, так что мне нет нужды всматриваться в таблички с номерами на одинаковых дверях, отыскивая нужную. Помимо Влада в коридоре достаточно много людей, но я вычленяю его взглядом *сразу же,* как только выворачиваю от лестницы. Перепутать его с кем-либо, *ошибиться* я бы попросту не смогла… Мне достаточно оказаться неподалеку, *на одной территории с ним,* чтобы очень точечно уловить его близкое присутствие.

Каждый последующий шаг к нему выходит сложнее предыдущего. Мои ноги становятся до отвращения ватными, в любой миг так и норовят подкоситься, хотя я и без того двигаюсь чересчур медленно, но Влад этого, кажется, не замечает.

Потому что на меня саму обращает внимание, только когда я останавливаюсь рядом с ним.

Первое, что *незамедлительно* бросается мне в глаза, это его кольцо, *точно такое же,* как и на моей левой руке.

Дышать вдруг становится трудно, почти невозможно, а когда Влад поднимает на меня взгляд, привлеченный тем, что кто-то подошел так близко, столь необходимый воздух и вовсе улетучивается из моих легких, рассеявшись подобно дыму. Вдыхать оказывается нечего, да, собственно, уже и незачем. Мне больше не до того.

Стоя так *неосмотрительно близко* к бывшему мужу, я жадно вглядываюсь в черты его хмурого лица, едва заострившиеся, но по-прежнему такие до дрожи знакомые… когда-то родные и любимые. Не знаю, что на меня находит, но я просто *не могу* заставить себя отвести от него чересчур пристальный взгляд, не могу вздохнуть полной грудью, купируя кислородный голод, не говоря уже о том, чтобы вернуть себе власть над истончившимися голосовыми связками и сказать, наконец, что-нибудь подходящее случаю. Влад тоже упорно молчит, только буравит меня глазами, наверняка гадая, как такое возможно, что спустя три года обоюдного ненарушаемого игнора мы вдруг столкнулись в коридоре Малиногорской больницы... *как старые знакомые.*

Я хотя бы знала о том, что мы встретимся.

А он понятия не имел о моем возвращении в город.

Все то же лицо, те же невообразимо глубокие светлые глаза, которые я с трепетной любовью вырисовывала *на любых*клочках бумаги каждый раз, как в первый, неустанно множа его портреты, но не утрачивая своего интереса к этому захватывающему занятию. Та же всклокоченная прическа, для создания которой не нужно ходить по модным салонам, достаточно просто не расчесаться утром или взъерошить пятерней к затылку непослушные пряди. Вопреки моим осторожным прогнозам, щетину Влад себе не отрастил, а пару-тройку килограмм если и набрал, то уж точно не стал выглядеть хуже. Он вообще… если и изменился в чем-либо, то только в лучшую сторону. Вот что самое прискорбное во всей этой нелепой ситуации. Как ни стараюсь, я не могу рассмотреть в нем ни единого изъяна, который внес бы существенную каплю дегтя в этот устойчивый образец моего бывшего «*идеального мужчины*».

А когда он вдруг заговаривает со мной, позволив мне вновь услышать свой голос, я едва не забываю о том, зачем вообще приехала в давно позабытый мною город. Мне хочется провалиться сквозь землю, глубоко-глубоко, хоть в самые недра, и даже остаться там навсегда; все, что угодно, лишь бы больше не видеть этого выразительного взгляда, пронзающего меня насквозь едва замаскированным, но все же ощутимым презрением. Мне кажется… да нет, я абсолютно уверена в том, что бывший без труда догадался о моем смятении, о тех несуразностях, в считанные секунды наводнивших мою голову, о паническом страхе сделать что-то не то и не так; *да обо всем, в общем…*Он ведь так хорошо меня знает, а я никогда толком не умела скрывать свои чувства.

Особенно от него.

Наверное, подсознательно я ждала, что Влад вот-вот перестанет корчить невозмутимость, рассмеется насмешливо, глядя мне прямо в глаза, и скажет что-то типа: «*Ну и зачем ты сюда притащилась? Валяй, возвращайся обратно. Здесь тебя давным-давно никто не ждет*».

Но он не говорит ничего подобного. В его словах моментами проскальзывает резкость, и я понимаю, что он злится. Конечно, злится.

И все же мы пытаемся наладить какое-то подобие беседы, но выходит просто ужасно и не слишком помогает мне отвлечься от того, что мы с Владом сидим рядом друг с другом, *очень близко,*почти соприкасаясь коленями на тесных больничных сиденьях. А потом к нам подходит высокий мужчина, такой крупный, что на нем с трудом сходится белый халат. По крайней мере, так кажется на первый взгляд. Мне представляется, что еще немного, и ткань халата жалобно треснет на его мощной спине.

Глядя на доктора, я совсем некстати мысленно пытаюсь втиснуть его на свой холст и прихожу к выводу, что он туда не влезет.

Доктор приветствует нас, что-то говорит посерьезневшему Владу, после чего скрывается за дверью палаты Семена Егоровича, вновь оставляя нас с бывшим один на один в шумном коридоре. Вернувшись спустя несколько минут, он сообщает, что мы можем ненадолго заглянуть к больному.

И возникает очередная проблема.

Судя по взгляду, который бросает на меня Владлен, он тоже понимает, что нам лучше не входить в палату вместе. Это… было бы слишком сложно, даже неуместно, что ли... В итоге ни он, ни я не сможем поговорить с Семеном Егоровичем без оглядки на присутствие друг друга.

– Ладно, Варь, – вдруг вполне миролюбиво обращается ко мне Владлен. – Ты в наших краях редкая птица, когда отцу еще выпадет возможность с тобой повидаться? Давай, иди к нему. Я подожду здесь.

Бросив на него короткий взгляд, я согласно киваю и, прихватив с сиденья собранную Татьяной сумку, захожу в палату бывшего свекра.

Одного взгляда на лежащего поверх стерильно белой простыни Семена Егоровича хватает, чтобы у меня непроизвольно начала подрагивать нижняя губа, а по спине, вдоль позво-

ночника, пробежал ледяной озноб. Глядя на него, я слишком живо начинаю представлять, как кошмарно он мог выглядеть в злосчастный вечер аварии, когда его вытаскивали из покореженной машины. Сейчас он весь перемотан, его голову стискивает тугая повязка, на лице множество свежих царапин, а грудь стягивает толстый бинт, край которого небрежно торчит из-под одеяла, благодаря чему мне его видно.

– Варя? – он даже приподнимается. – Варечка, это что, ты? С ума сойти…

– Вы только не двигайтесь, ладно? – поспешно бормочу я, буквально заставляя себя сделать несколько шагов к его постели.

– Но как ты… Какими судьбами… здесь? Вот уж не ожидал тебя увидеть, – свекор все еще смотрит недоверчиво, но мой визит однозначно приводит его во все большее волнение.

– Я сама не ожидала, если честно. Но так вышло…

– Ты *вернулась?*

– Нет, – опровергаю торопливо, но тут же, устыдившись, продолжаю, – я здесь ненадолго, Семен Егорович. Приехала по работе и… случайно узнала о том, что вы попали в аварию…

– Дядя Сема, – мягко поправляет бывший свекор, слабо улыбнувшись. – Уже не помнишь, как меня называла?

– Да, конечно. В смысле, я помню… Просто немного растерялась. Мы так давно не виделись…

– Да… Очень давно.

– Как вы, дядя Сема? – задаю на редкость глупый вопрос.

– Неплохо, неплохо… – наверное, что-то такое отражается на моем лице, потому что он продолжает с усмешкой. – Ты не обращай внимания на мой внешний вид. Конечно, дряхлый фасад оставляет желать лучшего и требует экстренного ремонта, но я уже почти в полном порядке и понемногу планирую выписку.

– Вы все шутите, – невесело хмыкаю я.

– А как жить без шуток? Без шуток плохо, – вздыхает бывший свекор. – Тем и спасаемся… Ты даже не представляешь, как я рад тебя видеть, Варь.

– И я рада. Хотя лучше бы нам встретиться при других обстоятельствах.

Семен Егорович переводит взгляд вниз.

– А что это у тебя такое, очень похожее на мою сумку из спортзала?

– Наверное, это она и есть, – спохватываюсь, только сейчас вспомнив о просьбе Татьяны передать сумку и том, что все это время с глупым видом держу ее в руках. – Я виделась с вашей женой. Она собрала для вас какие-то вещи и попросила передать.

– Спасибо, Варечка. Так что же, Таня ко мне сегодня не приедет?

– Я точно не знаю. Вроде бы ее срочно вызвали на работу, поэтому она и попросила меня завезти вам вещи… Лучше спросите у нее сами, – предлагаю, опуская сумку рядом с больничной тумбочкой вместе с пакетом фруктов, который собрала перед походом сюда.

– Как твоя жизнь, Варь?

– Все хорошо.

Из приоткрытого отделения сумки торчит свернутый глянцевый журнал, который я случайно задеваю о край тумбочки, благодаря чему он благополучно оттуда выпадает. *«Ах, эта свадьба!..»*Странное чтиво для Семена Егоровича. Неужели Татьяна Олеговна всерьез полагает, будто ее муж захочет убить этим время? А может, они планируют отметить многолетие собственной свадьбы? Я даже не знаю, сколько лет они вместе, может, как раз подошли к юбилейной дате и хотят отпраздновать ее с размахом?

Ладно, это уж точно не мое дело. Запихиваю журнал на верхнюю полку к каким-то медицинским баллончикам, а дядя Сема тем временем продолжает расспросы:

– Работаешь где-нибудь, учишься?

– Работаю. В художественном училище.

– Ну, разумеется. Ты всегда потрясающе рисовала. У меня хранится несколько твоих картин. Люблю рассматривать их на досуге.

– Правда? – изумляюсь я. – Они все еще у вас?

Татьяна Олеговна позволила ему сохранить хотя бы что-то, напоминающее обо мне?

– Истинная правда, Варечка. Разве я когда-нибудь тебя обманывал?

– Нет… – застываю на пару секунд. – Вы – никогда.

– А что у тебя на личном? Ты ведь не замужем… нет?

– Нет, – понимая, что наш разговор плавно сворачивает к неприятной мне теме, я быстро пытаюсь вывернуть обратно в безопасное русло. – Давайте не будем об этом, хорошо?

– Не будем. Конечно. Прости старика, лезу не в свое дело.

– Ну, какой вы старик?

– Я знаю, какой. Жутко любопытный и бесцеремонный до безобразия. Но сейчас у меня хотя бы есть веское оправдание моему любопытству, так что мне даже не стыдно.

– И какое у вас оправдание? – заинтересовываюсь я.

– Так вот же оно, лежу целыми днями на одном месте, почти не двигаюсь и схожу с ума от вынужденного безделья. Из развлечений у меня только сборник кроссвордов и чей-то любовный роман, наверное, забытый предыдущим болезным узником этой палаты. Конечно, есть шанс перебросится парой-другой слов с докторами, но они не особенно это любят и вечно куда-то спешат. А если уж совсем язык без общения чешется, то выручает один мой новый приятель, с которым мы периодически беседуем по телефону. Он, кстати, лежит в соседней палате, так что у него схожая проблема с досугом.

– Ваш приятель лежит в этой же больнице?

– Больше тебе скажу, мы даже попали сюда в одно время. Вообще-то, он не совсем мне приятель… – Семен Егорович призадумывается. – Мы всего несколько дней знакомы. Он ведь тоже в той аварии… *участвовал.*

– Что, вы серьезно? – мои глаза широко распахиваются.

– Еще бы, Варя. Конечно, серьезно. Петр Петрович откуда-то раздобыл мой номер и начал тут на днях позванивать, как только смог более-менее ворочать языком. Поначалу напирал нервно так, с претензиями, хотя его вины в нашем столкновении больше, чем моей, если уж разбираться. Обещал продлить мне заключение в палате сразу же, как только сам встанет на ноги. Я посоветовал ему с этим не спешить, в нашем возрасте кости – дело такое… хрупкое. Осторожнее надо с резкими движениями. Он сначала не слушал, но ругаться ему быстро надоело, и теперь он звонит мне просто от скуки. Тоже ведь лежит днями напролет в постели, как и я. В основном мы просто болтаем, иногда по громкой связи вместе расщелкиваем кроссворды. Петр Петрович-то мужик хоть и нервный, но умный, знает побольше любой энциклопедии.

– Ну вы даете, – удивленно качаю головой.

– С другой стороны, мы ведь оба от одиночества маемся, а его к тому же даже родственники почти не навещают. Мне в этом смысле куда больше повезло, то Татьяна заедет, то Владик как-нибудь заглянет. Каждый день кто-то из моих здесь, со мной. Единственное, дочку не позволяю им привести – ну куда ей на меня смотреть в таком виде? Нет уж, сначала в норму приду, чтобы Машу не пугать… А в остальном, можно сказать, лежу как царь, купаюсь во всеобщей любви и заботе. А Петрович в своей палате один кукует. Грустно это, Варя.

Слушая бывшего свекра, я очень живо вспоминаю милую малышку, младшую сестру Владлена, с которой мы в свое время быстро нашли общий язык.

Сейчас Маше должно быть уже семь… или все-таки восемь лет? Я помню ее совсем крошкой, ярким беззаботным солнышком, любимицей всей семьи, которой спускались с рук практически любые шалости. Когда Маша болела и не ходила в детский сад, ее оставляли на мое попечение, чему я, та еще бездельница на фоне всех остальных работающих членов семьи, никогда не противилась. Но если честно, сиделка из меня выходила так себе. Стоило мне зазе-

ваться, как Машка тут же окунала свои крохотные ладошки в мои краски, а потом с лукавым озорством хваталась ими за чистые скатерти, салфетки, светлые покрывала на кроватях или диванах, пачкала разноцветными пятернями дизайнерские ковры, которые очень любила Татьяна Олеговна… За все ее многочисленные провинности в итоге прилетало именно мне, но даже неизменно оставаясь крайней в ее проделках, я все равно любила эту маленькую негодницу.

Теперь, конечно, она меня уже и не вспомнит.

– Ты ведь пока не собираешься уезжать обратно? – спрашивает дядя Сема, когда я за неимением другого места осторожно присаживаюсь на край его постели.

– Я уеду, как только закончу здесь свои дела по работе.

– Не торопись с этим, ладно? – хмурит он лоб. На какую-то долю секунды мне даже кажется, что бывший свекор собирается с силами, чтобы сказать что-то, возможно, важное для него, но нет. – Тебя так долго не было дома… Поверь, мы все по тебе скучали.

– Ну, это вряд ли, – улыбаюсь, припомнив скептически поджатые губы Татьяны во время нашей недавней встречи.

– Знаешь, Варечка, конечно, я стараюсь держаться бодрячком, чтобы никого не расстраивать, но если смотреть объективно, дела у меня не такие уж радужные. Как и перспективы, – внезапно говорит бывший свекор, на что я морщусь:

– Завязывали бы вы с этим, дядь Сем… Вот увидите, все будет хорошо.

– Хотелось бы в это верить, но...

– Что за пессимистичные мысли? Может, вам стоило бы сократить общение с этим вашим новым нервным приятелем?

– Нет, нет, мы с Петровичем уже привыкли друг к другу, притерлись. Как же я теперь без него?

– Сколько вас знаю, вы всегда и во всем находили только хорошее, а тут вдруг в хандру решили удариться?

– Не то, чтобы… Но когда у человека вдруг оказывается чересчур много свободного времени, ему в голову волей-неволей начинают лезть самые разные мысли. Знаешь, о чем я подумал? – вдруг задает он вопрос, и я приподнимаю бровь. – Пока ты здесь, в городе, тебе стоит пожить у нас дома.

– Нет, – легкая улыбка резко сходит с моих губ. – Мне забронировали номер в гостинице, так что…

– Варь, ну какая гостиница? Это же бессмысленно. Мы тебе не чужие люди, и ты нам далеко не чужая, поэтому нет ничего такого в том, чтобы ты остановилась у нас.

– Об этом не может быть речи, дядя Сема.

– Ты отказываешься из-за Татьяны? – буквально вцепляется в меня бывший свекор. – Или *Владлена?*..

– Мы оба знаем, что из всей вашей семьи моему приезду рады только вы, дядя Сема. Так что я бы скорее согласилась ночевать под дверью вашей палаты, чем в вашем доме. К счастью, в Малиногорске полным-полно гостиниц, и таких жертв от меня не потребуется.

Бывший свекор склоняет голову к плечу, вроде как признавая истинность моих слов.

– Ты привезла мне сумку с вещами, следовательно, уже была у нас дома, ведь так?

– Вы заходите издалека, чтобы столь незатейливым способом выяснить, встречалась ли я с Владленом? – прищуриваюсь.

– Ну, конечно, мне это интересно, – не отпирается дядя Сема, улыбаясь, но посматривая сосредоточенно.

– Я виделась с вашим сыном. Он, кстати, сейчас здесь. Ждет за дверью палаты. Если хотите, я его позову… – предлагаю, с сомнением покосившись на дверь, за которой остается Влад.

– Подожди, Варь, – бывший свекор останавливает меня жестом. – Мы ведь даже толком не поговорили. Я хотел спросить тебя о…

– Лучше не надо, дядь Сем. Правда. У меня уже давно своя жизнь, – быстро перебиваю я, понимая, что прежде всего его интересуют наши отношения с Владленом… которых больше нет.

Вскакиваю на ноги.

– К тому же, мне пора идти, Семен Егорович. Я позову вашего сына.

Дядя Сема заметно хмурится, но возражать не берется.

Захлопывая дверь в палату, я слышу характерный писк мобильного телефона и предполагаю бегло, что это наверняка его новый друг и товарищ по несчастью, с которым они так лихо расщелкивают кроссворды. Разжимаю пальцы вокруг дверной ручки, оборачиваюсь и едва не сталкиваюсь с Владом, стоящим почти вплотную к двери. Вряд ли он мог слышать наш разговор с дядей Семой, да и не обсуждали мы вроде ничего такого, что мне хотелось бы скрыть от бывшего мужа, но все равно…

От его близости мне вдруг становится трудно дышать, весь кислород резко куда-то исчезает, безвольную грудную клетку сдавливает, как под тяжелым прессом, сильно, до ощутимых признаков фантомной боли. Настоящей взяться неоткуда, раз уж там давным-давно ничего не осталось. Только расслаивающаяся пустота. Именно оттуда он когда-то с корнем выдрал мое истекающее кровью сердце, не задумываясь над тем, что с подобными ранами невозможно жить долго и счастливо, чему я теперь ярчайший пример.

Невозможно… когда тебе уничтожили сердце.

Он так близко.

В спонтанном замешательстве пячусь назад и натыкаюсь спиной на уже закрывшуюся дверь палаты. *Отступать некуда.* Бывший не только не отстраняется, он *нависает надо мной,* лишая меня возможности выбраться из искусственного вакуума, пропитанного его запахом, въедающимся прямо под мою кожу. Его теплое дыхание щекочет мне скулу, вызывая едва ощутимую дрожь по всему телу. На какое-то мгновение меня пронзает безумным желанием наплевать на свою запятнанную память и наши общие несбывшиеся мечты, податься навстречу Владу, провести ладонью по его щеке, взъерошить без того спутанные светлые волосы как когда-то раньше… а после коснуться губами его теплых шероховатых губ, чтобы освежить в своей памяти неповторимый вкус самого невероятного поцелуя. *Как три года назад…* Когда мы жили одним лишь днем, задыхаясь, и без устали пили друг друга взахлеб, судорожно перехватывая драгоценный воздух с губ, цепляясь за плечи, как за единственную доступную опору, чтобы не упасть, так как ноги становились ватными...

Вдруг уловив быстрое движение слева, я в изумлении замечаю, как его ладонь застывает в воздухе, совсем чуть-чуть не коснувшись моего сжавшегося плеча.

Что за?.. Он только что…

Что с нами происходит?

В попытке прочитать ответ по его глазам, я вскидываю лицо, смотрю на него выжидающе, но Влад молчит и тоже не сводит с меня пристального взгляда.

О чем он думает? Какие желания скрывают эти прозрачные светлые глаза?

Мое бедное сердце стремительно летит вниз и остается где-то там, беззвучное, распластанное под тяжелым градом вопросов, на которых у нас обоих нет ответов.

Влад… Спустя годы снова так близко. Мне достаточно лишь протянуть руку и коснуться пальцами его рубашки, за ворот приблизить к себе, носом уткнуться ему в самое соблазнительное местечко под шеей... Вот только у меня давно уже нет и никогда больше не будет права трогать его. Он не со мной. *Не мой.*

Чей угодно, но только не мой.

– Варька, – слышу его сиплый голос.

И в этот момент жизнь вокруг нас снова начинает вертеться в прежнем ритме. Мимо опять снуют туда-сюда какие-то незнакомцы, слышатся громкие звуки, чьи-то голоса, какой-то неясный шум, лязг медицинских приборов, хлопки распахиваемых шкафчиков... Неожиданно пленительное наваждение, в которое меня загнала близость бывшего мужа, никуда не исчезло, но его опасное действие *притупилось* настолько, что я снова обретаю способность более-менее соображать.

– Семен Егорович тебя ждет, – выдавливаю чуть слышно, отводя взгляд от бывшего и делая шаг в сторону.

– Что? А… – он будто тоже силится прийти в себя. – Подожди меня, ладно? Я загляну к нему ненадолго и отвезу тебя.

Он вдруг чертыхается в явной досаде, смотрит в сторону выхода к лестнице и машинально потирает лоб тыльной стороной ладони.

– Не нужно, Влад, я в состоянии воспользоваться общественным транспортом, – качаю головой, не желая проводить в его подавляющей компании ни одной лишней секунды.

Бывший собирается ответить, но в этот момент его взгляд скользит куда-то мне за спину, и я вижу, как на его лице мелькает растерянность, быстро сменяющаяся чем-то вроде досады. Без труда проследив за его взглядом, я сразу же замечаю темноволосую девушку в коротком бежевом платье и туфлях на таких высоченных каблуках, что мне на секунду становится страшно. Это же самые настоящие ходули, как у нее вообще получается на них передвигаться? А она еще и норовит ускорить шаг...

Чтобы как можно скорее приблизиться к нам, понимаю я, как только девушка останавливается рядом с Владленом и демонстративно берет его за руку.

И чувствую себя круглой дурой, особенно когда она с широкой улыбкой обращается ко мне:

– Привет, Варя. А что ты тут делаешь?

Ее лицо кажется мне смутно знакомым. Вроде бы мы виделись раньше, вот только я никак не могу вспомнить, где и когда это могло произойти. Пользуясь тем, что девушка не сводит с меня взгляда, я тоже ее рассматриваю. Длинные темные волосы, пухлые губы, роскошная фигура, на фоне которой мои бренные кости смотрятся до невозможности жалко. Короткое, в меру открытое платье дает неплохой вид на пышную грудь и стройные ноги, благодаря высоким каблукам кажущиеся бесконечными. Девушка – настоящая красотка. Как будто модель, сошедшая прямо со свежеиспеченной обложки модного журнала вроде недавнего «Ах, эта свадьба!..», что лежал в сумке дяди Семы.

В общем, ничего общего со мной. Или у меня – с ней…

Но они вместе, понимаю, глядя украдкой на переплетенные ладони красотки и моего бывшего мужа.

Просто поразительно… Как он мог так сильно изменить свои предпочтения за столь короткий срок?

– Эм… Привет, – едва заставляю себя проявить ответное дружелюбие. – Я… навещала Семена Егоровича.

И все-таки, откуда она меня знает?

– Эта жуткая авария – просто кошмар, – понимающе кивает красотка, стискивая пальцами ладонь Влада. – А что, к нему до сих пор не пускают? Чего вы в коридоре толчетесь?

– Нет… Просто я уже ухожу.

– Детка, твоя самоуверенность не знает границ, – заговаривает Влад, обращаясь к девушке, но глядя почему-то на меня. – Ты разве не видишь, что она тебя не узнает?

– Что, правда? – пораженно ахает красотка, незамедлительно оборачиваясь ко мне. – Серьезно, ты меня не узнаешь?

– *Ну-у…*

– Это Алёна, Варь. Дочка Светланы Аркадьевны, лучшей подруги моей матери. Ты вряд ли ее помнишь.

– Нет, я помню, – отзываюсь заторможенным эхом, в самом деле припоминая Светлану Аркадьевну, не слишком приятную жеманную особу, которая часто приходила к моей бывшей свекрови и иногда брала с собой дочь… Чуть полноватую девочку с двумя жидкими косами, которая сидела рядом со своей матерью, не участвуя в их разговорах с Татьяной Олеговной, и откровенно скучала, но все равно зачем-то приходила с ней снова и снова.

Так это она? Вот эта потрясающая роковая красотка в мини – та самая девочка, которая чинно сидела возле своей матери в ожидании, пока та вдоволь наговорится с подругой?!

– Ничего себе… Ты так изменилась, – силюсь улыбнуться, очень надеясь, что мои попытки ничуть не похожи на оскал.

– Изменилась не только я, – загадочно бросает Алёна, и от меня не укрывается, как она будто бы невзначай прижимается к Владлену. – Изменилось вообще все, Варя. А ты… *верну-лась,* да?

– Нет, – мне кажется, или она выдыхает с облегчением? – Я приехала в Малиногорск исключительно по работе, – и прибавляю, помедлив. – Ненадолго.

– Так ты скоро уедешь? – распахивает глаза Алёна, не слишком удачно имитируя огорчение.

– Да. Через несколько дней.

– Как жаль… Я бы с удовольствием как-нибудь поболтала с тобой о всяком разном. Уверена, мы бы смогли найти много общих тем. Но, может, мы еще встретимся? У нас с Владиком *свадьба* через месяц. Мы будем очень рады, если ты сможешь приехать на регистрацию, правда, любимый?

Свадьба.

Мои ноги по ощущениям становятся похожими на едва застывшее желе. Не знаю, как у меня выходит стоять на них *почти* ровно, с приклеившейся к губам фальшивой улыбкой глядя на радостную Алёну и чувствуя, что не могу, просто *не могу* заставить себя перевести взгляд на молчащего Владлена.

– А знаешь, мы все-таки пришлем тебе приглашение, только оставь свой адрес, хорошо?

Что… ей оставить?

Мой… адрес?

В поисках хоть какой-то ясности я все же смотрю на Влада, но он лишь пожимает плечами и медленно кивает, безмолвно подтверждая слова своей… *своей… Черт.*

Устойчивая досада в его взгляде вдруг в одночасье сменяется твердой убежденностью, словно красавица Алёна своим появлением стала ему необходимой поддержкой в вынужденном *взаимодействии* со мной.

– Д-да… хорошо, – киваю, едва заставив себя отойти от глупого ступора. – Свадьба… Это так здорово. Поздравляю вас, – добавляю с улыбкой, на которую уходит целая прорва моих остро недостающих сил.

Я даже не ожидала… Не думала… А он ведь и правда так круто поменял свою жизнь, что я теперь могу без всякой опаски *перевернуть* эту страницу моего болезненного прошлого, потому что мы встретились с ним всего за месяц до его свадьбы с другой девушкой.

Всего лишь какой-то жалкий месяц.

Глава 5

Варвара

Больницу я покидаю в каком-то неопределяемом подвешенном состоянии. В полузамешательстве выхожу за ворота и двигаюсь наобум куда-то вперед, не понимая толком, куда я иду и что вокруг меня происходит.

У него свадьба через месяц… С шикарной красоткой, которую я помню совсем невзрачной девочкой. Подумать только, ведь Алёна была практически сторонним свидетелем нашей семейной жизни, а теперь, спустя всего каких-то три года, уже прочно занимает мое место.

Нет. *Не мое.*

Я не собиралась с ним встречаться, вообще не хотела ничего о нем слышать, но спонтанная весть о его скорой женитьбе напрочь выбивает почву из-под моих ног, и я не могу это отрицать.

Не думать… Мне просто нужно переключиться на что-то другое. Жизнь бывшего мужа меня больше не касается, он давно свободный человек и волен делать все, что хочет, неважно. А я должна позаботиться о своей жизни.

Провальной во всех смыслах…

Впереди у меня еще несколько дней разрешенного безделья. Вернуться в гостиницу и безнадежно терзаться там в тщетных попытках вытеснить из головы неизбежно подступающие со всех сторон воспоминания, так или иначе связанные с этим городом и некогда близкими мне людьми? Сомневаюсь, что это хорошая идея. Однако я здесь, и грубого *вскрытия* памяти мне в любом случае не избежать. Без разницы, где и как именно, так все равно будет.

Понимая, что не хочу остаток дня проторчать в своем номере, решаю немного прогуляться по городу. Бросаю в сумку рабочий скетчбук для набросков и отправляюсь в северный район Малигорска, туда, где когда-то мы жили вместе с бабулей.

До площадки, на которой мы любили проводить время с друзьями и где однажды состоялась *наша первая памятная встреча с Владленом,* я добираюсь минут за тридцать. Опустившись на одну из лавочек, принимаюсь с интересом глазеть по сторонам, подмечая про себя броские изменения, случившиеся за минувшие несколько лет. Футбольное поле, любимое пристанище соседских мальчишек, визуально кажется шире, но вряд ли ему смещали границы. Просто его очень сильно *облагородили,* из-за чего получился такой заметный эффект. Как и во времена моей юности, сейчас небольшая компания подростков увлеченно гоняет по траве многострадальный черно-белый мяч. Деревянные лавочки, как и низкие качели для малышей, недавно покрасили, а перетянутые сеткой хлипкие футбольные ворота заменили на более устойчивую конструкцию.

Какое-то время я наблюдаю за тем, как другие, уже совершенно незнакомые мне ребята в коротких шортах гоняются по полю за футбольным мячом. Невысокая темноволосая женщина в джинсах и свободной футболке садится рядом с миловидной девочкой на качелях и заботливо поправляет на той заколку, начавшую съезжать набок. Задерживаю на них взгляд, весьма живо представляя себе, как в недалеком будущем Алёна опускается так, чтобы короткое платье не обернулось поясом вокруг ее бедер, и поправляет прическу уже своей крошечной девочке... Или же подкатывает штанишки маленькому мальчику с невообразимо глубокими светлыми глазками, точь-в-точь такими, как у его отца. Почему-то мне кажется, что у *этой пары* непременно должен появиться светленький малыш, который будет точной копией Владлена. Таким же активным, чересчур подвижным, шумным, нахальным без меры, но очень, *очень милым.*

Усмехнувшись своим дурацким мыслям, я лезу в сумку за телефоном.

Когда на душе творится непонятно что, а в голову лезут сущие несуразицы, самый верный способ избавиться от приближающейся депрессии – это позвонить бабуле. Только она способна разложить бардак в моих мыслях с такой легкостью, что позже я сама удивляюсь, как могла придавать столько надуманного значения сущим мелочам.

Главное, чтобы она взяла трубку. Это важно. Мне просто нужно услышать ее голос.

Бабуля отвечает спустя несколько длинных гудков. На фоне слышится какой-то посторонний шум и скудные обрывки чужих фраз, по которым сложно что-то сопоставить. Спрашиваю, где она, но бабушка пропускает мой вопрос мимо внимания и задает мне почти такой же.

– Я на детской площадке. Той самой, что была неподалеку от нашего дома, помнишь? Когда-то и я играла тут со своими друзьями, – улыбаюсь скупо, теснее прижав к уху мобильный.

– И чего тебя туда понесло? – ворчит бабуля.

– Сама не знаю. Просто захотелось сюда заглянуть. Тут очень многое изменилось, ба. Больше нет беспорядочных гор песка и сорняков, наоборот, кругом слишком чисто как-то… аккуратно. В мое время такого и близко не было. Но все равно это все та же площадка…

– Голос у тебя какой-то странный, Варюш. Что-то случилось?

– Нет, все в порядке.

– Не ври бабке. Выкладывай, в чем дело. А хотя позволь мне самой догадаться… Это ведь снова он?

– Ну… не совсем, – вздыхаю, а бабушка настораживается еще больше:

– Так он или не он?

– Скорее, его отец, – и я вкратце рассказываю ей об аварии, в которую попал Семен Егорович, а также о своем недавнем визите в больницу.

– Надо же было такому случиться... Сема точно в порядке, Варя? Может, нужно чем-нибудь помочь?

– Вроде бы нет. Как ты понимаешь, со мной об этом вряд ли кто-то станет говорить.

– Как жалко… Сема всегда был мне очень симпатичен. Такой приятный мужчина, единственный нормальный человек в этой змеиной семейке. Давненько я уже о нем ничего не слышала… Знаешь что, Варя, сбрось-ка мне его номер, я сама с ним потолкую и все узнаю, – бабушка медлит. – Никогда бы не подумала, что Сема способен лихачить на дорогах.

– Он не лихачил, ба. Погода была очень плохая. Влад сказал, что… – начинаю было и запинаюсь.

– *Влад,*– метко припечатывает бабуля.

– Да, мы с ним виделись, – признаюсь вынужденно и тут же перебрасываюсь в глухую оборону. – Что в этом такого? Мы ведь не можем теперь всю жизнь друг друга избегать, правда?

– По мне, так лучше бы избегали. Я слишком хорошо помню, какой жуткой проблемой может быть твой бывший муженек.

– А мне-то казалось, что он тебе нравился.

– Нравился. Он и сейчас мне нравится. Но внучка у меня одна-единственная, и мои симпатии никак не мешают Владлену представлять для себя серьезную угрозу. Да и не только для тебя, Варя. Я бы совсем не удивилась, если б однажды его закрыли в каком-нибудь тихом заведении с толстыми стенами…

– Да нигде его не закрыли, ба, – возражаю устало. – И вообще… Мне кажется, Влад стал намного спокойнее. Взрослее, что ли…

– Уяснил, наконец, что профукал свое счастье, вот и присмирел. Только поздно.

– Да ладно тебе… Скажешь тоже, *счастье.*

– Он любил тебя. Что хочешь говори, а бабка у тебя не слепая и не дурная. Побольше тебя видит и понимает. Так, Варя, расскажи-ка мне о вашей встрече во всех подробностях. Чем черт не шутит, вдруг наш Владик и правда повзрослел? В конце концов, должно же это когда-нибудь произойти, верно?

– Да нечего особо рассказывать, ба. Мы встретились возле палаты дяди Семы и немного поговорили.

– Он не пытался что-нибудь тебе сделать?

– Нет! – фыркаю возмущенно, закатывая глаза. – Ба, ну что за глупости…

– Никакие не глупости, Варечка. Ты у меня слишком добрая и отходчивая девочка, а бабка твоя злая карга с превосходной памятью, поэтому все еще отлично помнит, как этот психованный дебошир…

– Нееет, ба, он ничего мне не сделал, – терпеливо опровергаю я.

– Даже за руки не хватал?

– Боже… Нет, конечно. Он вообще меня не трогал.

– Ладно, ладно. Допустим, твой бывший *что-то там осознал*и действительно… стал поспокойнее, хотя мне плохо верится в такие чудные метаморфозы. Но ты все же будь с ним поосторожнее, ладно?

– В этом нет никакой надобности, – вздыхаю и, помешкав, наконец решаюсь сказать главное, то, ради чего и набрала сейчас ее номер. – Ба… Влад через месяц женится.

Владлен

Забравшись на переднее сиденье, Алёнка громко хлопает дверью, как обычно полностью игнорирует наличие ремня безопасности и, пока я завожу машину, быстро сбрасывает с ног свое любимое орудие пыток, которое называет *босоножками.*

– Кайф… Наконец-то можно расслабиться, – стонет, вытягивая ноги и откидываясь спиной на сиденье.

Покосившись в ее сторону, проглатываю уже набившее оскомину, но абсолютно бессмысленное замечание о том, что дверцы в моей тачке способны захлопываться с куда меньшим шумом.

– А ты чего такой хмурый? – разворачивается ко мне благоверная.

– Да вот, таким родился.

– Ну, нееет, – игриво возражает Алёна, подаваясь ко мне и скользя ладонью по моему напрягшемуся плечу. – Ты далеко не всегда такой злобный бука. Я-то знаю, что ты можешь быть и другим.

– Могу. Но не сейчас.

Какое-то время она придирчиво разглядывает мою морду в профиль, и, наверное, решает, что я перенимаю ее тон, потому что слегка оттягивает ворот моей рубашки и шепчет возле моего уха:

– А почему бы и не сейчас?

– Детка, дай мне хотя бы выехать со стоянки, ладно?

С лукавой улыбкой Алёна медленно проводит языком по пухлой нижней губе и вмиг едва не оказывается у меня на коленях.

Вообще-то я не имею ничего против таких игр, особенно когда она сама проявляет инициативу, *но вот прямо сейчас*мой боевой настрой пасется где-то далеко за нулевой отметкой. Все, чего мне реально хочется, это поскорее оказаться у себя дома, желательно в одиночестве и за плотно закрытой дверью. Взять жизненно необходимый тайм-аут и как следует обдумать все то дерьмо, что так неожиданно обрушилось на мою многострадальную голову.

– Владик, я соскучилась, – горячо шепчет мне в ухо Алёна, не заботясь о том, что мы все еще на больничной стоянке, где, кроме нас, достаточно других машин и людей. – Милый, ну в чем дело? Посмотри на меня…

И почему нельзя сделать так, чтобы все окружающие хоть ненадолго забыли о моем существовании?

Мне приходится развернуться и взглянуть в глаза благоверной.

– Ну? Я на тебя смотрю.

– Ты делаешь мне одолжение, – хмурится Алёна.

– Тебя не поймешь, – бросаю устало, отворачиваясь к окну.

– Но ты даже не пытаешься меня понять! Мы не виделись всего пару часов, а ты уже не обращаешь на меня никакого внимания. Витаешь где-то в своих мыслях и просто отмахиваешься от меня, хотя еще утром у нас все было прекрасно…

– Детка, оглянись, мы на больничной парковке, у меня башка под завязку забита всяким дерьмом, которое нужно как-то скорее разруливать, а ты хочешь добавить мне нового и даже не догоняешь, почему я из-за этого злюсь. Может, это как раз ты отмахиваешься от меня, а не наоборот? Тебе же плевать, что мне вот вообще сейчас не твоих капризов. А мне реально не до них. Я должен в темпе вернуться на базу, а еще…

– *Она*, – мрачно припечатывает Алёна, с хмурым видом отодвигаясь от меня и устраивая на груди руки. –Еще она, твоя бывшая, да, Влад*?*

Немного понаблюдав за этой ярой демонстрацией вселенской обиды, я едва подавляю рвущиеся наружу проклятья.

– *Она*тут при чем, Алён? Ты же слышала, она здесь ненадолго и скоро уедет.

– Но *пока*она здесь.

– И я здесь. И ты. И огромная куча других людей тоже здесь, и что, блин, с того? Было бы странно, если б на весь наш огромный город остались только мы с тобой, последние из могикан. Завязывай уже фантазировать, а? У меня нет никакого желания убеждать тебя в том, что я не верблюд.

– Прекрати разговаривать со мной, как с идиоткой, – цедит Алёна, так и не повернувшись ко мне, а я подавляю вздох, понимая, что в попытке наладить контакт добился ровно противоположного эффекта.

– Поверь, детка, у меня и в мыслях этого не было.

– Ну, хорошо, – она все-таки поворачивается, но на ее лице по-прежнему прописано недовольство. – То есть ты хочешь сказать, что твоя бывшая жена *просто по какой-то странной случайности*вернулась в Малиногорск прямо накануне нашей свадьбы?

– Эта самая *случайность*связана с ее работой, ты же слышала.

– От этого она не перестает звучать менее странно, Влад! Получается, три года Варвара где-то шаталась, а прямо накануне нашей свадьбы неожиданно решила приехать обратно, сославшись на какие-то дела по работе?

– Алён, чего ты от меня хочешь? Я ее не звал и за эти три года вообще никак с ней не контактировал. Если тебя так интересуют подробности ее приезда, надо было задавать вопросы конкретно ей.

Вопреки настойчивому самовнушению оставаться *спокойным и невозмутимым,* а еще ни в коем случае не реагировать на весьма действенные внешние раздражители, я чувствую, что все-таки начинаю беситься

Наверное, с Алёнкиной точки зрения приезд Варвары в Малиногорск *именно сейчас*и правда вызывает чертовски много вопросов, но при этом какого хрена благоверная начинает выедать именно *мой мозг?*Я понятия не имел о том, что моя бывшая жена вернется в город. По-моему, тут и тупому ясно, что претензии летят вообще не по адресу.

– Даже если б я ее об этом спросила, думаешь, она бы мне честно на все ответила?

– Почему нет?

– Потому что ты – ее бывший муж, – объясняет, на глазах теряя терпение. – И она здесь из-за тебя.

*П***ц.*

Лучше бы Алёна привычно грузила меня новыми феерическими и чертовски безумными идеями по украшению зала, которыми буквально фонтанирует чудное издание для олигофренов «Ах, эта свадьба!..». Я бы выбрал это сейчас. Реально. Я бы даже принял самое деятельное участие в жарком обсуждении всех вариантов ср***ого дизайна, потому что продвигаемая Алёнкой альтернатива для меня в сотни раз хуже этого дерьма.

Она здесь из-за тебя.

Пользуясь тем, что Алёна замолкает и обиженно отворачивается к окну, я пытаюсь отогнать навязчивые мысли и сосредоточиться на дороге.

…Интересно, несколько дней – это сколько?

– Да какого хрена, придурок! – рявкаю, стремительно вдарив по тормозам, когда тип в темно-зеленом Шевроле нагло подрезает меня на светофоре и даже не моргает в качестве извинения, гребаный осел. Алёна подскакивает от неожиданности, недобро косится на меня, но ничего не говорит.

*Все такая же, мать ее…*Как это возможно, что за минувшие годы моя бывшая жена совсем не изменилась? Ведет себя подчеркнуто отстраненно, смотрит, как на паршивого ничтожного червя, окатывая холодным равнодушием, так небрежно, *словно не было между нами ничего,*и я для нее всего лишь никчемный балбес вроде тех, что шлялись за ней с раскрытой пастью от школьных ворот до самого ее дома. Вот только это все тупой вздор. Я давным-давно вычеркнул ее из своей жизни и уже ничего, *совсем ничего*к ней не чувствую. Она сама растрепала мои чувства по ветру, будто они ничего не значили, а потом исчезла и из моей памяти, растворилась бесследно, словно ее вообще никогда там не было.

Вдавливаю педаль газа в пол, неумолимо сокращая расстояние с подрезавшим меня Шевроле, и почти филигранно повторяю его недавний опасный маневр. В ответ незамедлительно раздаются возмущенные гудки, а я усмехаюсь, но даже тупой размен хамством не помогает мне переключиться с мыслей о насущном.

Не нужно было ей возвращаться.

Да какого хрена?! Она проявила характер и свалила отсюда, *с таким трудом вырвалась из моей клетки*туда, где видела для себя какую-то одной ей понятную *свободу,*повезло, вот пусть бы и сидела дальше в своей новой норе, не усложняя и не наживая лишних проблем себе на голову. Варвара и близко не представляет, какую необратимую *глупость*совершила своим возвращением в наши края. И пусть время все изменило за нас, притупив взаимный негатив почти беспроигрышным обоюдным равнодушием, *ей все равно больше нечего здесь делать!*

Она сама решила уйти. Никто ее не отпускал. Я готов был биться за нее и наши отношения до последнего, но оказался во всех смыслах недостойным вариантом. Сам не заметил, мать ее, как *сломал несчастной девочке жизнь, повел себя, как безмозглая скотина, псих, неуравновешенный дебошир, еще кто-то весьма обидный в том же духе…*За давностью лет уже подзабылись все красочные эпитеты, которыми меня щедро награждала Варькина бабуля, прежде чем обе они почти одновременно исчезли из моей нелепой жизни. И хрен бы с Ариной Тимофеевной, хотя до громкого разлада с ее внучкой мы вроде неплохо ладили, а вот Варвара…

Да и она тоже.

Я не думал, что после едва утихшего бурного скандала когда-нибудь вновь увижу ее, еще и так неожиданно, столкнувшись нос к носу в тесном больничном коридоре рядом с палатой отца. Конечно, я выглядел полным придурком на фоне ее завидной хладнокровной невозмутимости. У меня было время взять себя в руки, пока Варька разговаривала с отцом, но я не воспользовался возможностью и тупо подвисал в смутной прострации на одном месте, даже не

заметив, как быстро оно пролетело. Меня накрыло каким-то острым помутнением рассудка, и когда бывшая вышла в коридор, я даже не догадался отойти в сторону, попросту не оставив ей возможности проскользнуть мимо меня. Это было так тупо. Мы стояли друг против друга, схлестнувшись перекрестными взглядами, а передо мной будто бы вновь возникла та *обманчивая скользкая дорожка,* зыбкий путь в неизвестность, на который мы так опрометчиво ступили когда-то вместе, рука об руку, послав к черту всех сомневающихся и недовольных нашим союзом. И хотя это был только секундный мираж – *от нас с ней уже совсем ничего не осталось* –но какой же яркий и соблазнительный, черт подери…

Все. Хватит. Мы это уже проходили раньше.

Скоро я женюсь на охрененной девчонке, с которой у нас все будет по-другому, ровно и *правильно,* без рвущего башню сумасшествия, как было с Варькой, когда я с ума сходил от ее непостижимых прихотей и заскоков, а она обижалась и всеми силами давала понять мне, что я конченый кретин, не способный постичь ее *нежную творческую натуру*. А я пытался. На самом деле пытался вникнуть в ее *хрупкий внутренний мир.* Стать его гребаной неотрывной частью. Но так и не смог.

Черт подери, как же я ненавидел ее краски…

Алёна совсем другая. Полная противоположность моей бывшей жены. Максимум, что мне грозит с ней рядом, это внушительный мозговой штурм, вызванный необходимостью выслушать от начала и до конца *все то, чем она занималась днем, куда ходила, с кем виделась, о чем говорила…* И прочее, прочее в таком духе. Я не могу похвастать завидным терпением, но если закрыть глаза, расслабиться и подумать о чем-то нейтральном, то с этим вполне можно совладать без ущерба для собственной психики. Алёна для меня не угроза, так, легкий переполох закаленной испытаниями нервной системы. Пусть развлекается… А я буду развлекаться с ней. И пусть она держит меня в постоянном тонусе, попеременно сверяясь с советами псевдоэкспертов из своих обожаемых глянцевых журнальчиков, правильно ли я веду себя *с точки зрения адекватной жены.* Это все тупо, конечно, но в целом вполне невинно.

Она не сводит меня с ума, следовательно, она мне подходит.

Для жизни.

А страстная любовь до гроба мне теперь до звезды. Пусть о ней грезят паршивые романтики, которым больше нечем забить свою голову, кроме фальшивого мусора о чувствах и единении двух родственных душ. Я не из мечтателей-мазохистов. Стоило разок попробовать, чтобы в этом убедиться. На самом деле *любовь* не приносит никакого удовольствия. Она терзает без жалости, рвет душу, ломает жизни и судьбы в грязные ошметки, и в конце концов не оставляет *ничего,* за что можно было бы продолжать цепляться в надежде *хоть что-то* спасти. Нет уж, мне этого больше не нужно. *Просто, удобно, необременительно* – вот залог счастья любого вменяемого мужчины.

Но забыть, как грудную клетку вмиг охватило огнем, когда я неосознанно поймал Варьку в своем личном пространстве, вдруг ощутив, насколько она ко мне близко, не так уж и просто. Я до сих пор испытываю смутное напряжение во всем теле. Ладони, прилегающие к оплетке, совсем немного подрагивают, а кровь, воспламенившаяся в моих венах *за долю секунды,* все еще палит мне кожу изнутри, заставляя ерзать на месте от невозможности это прекратить. Я уловил ее запах, и этого оказалось достаточно, чтобы меня повело. Не знаю, каким чудом мне удалось взять себя в руки и не только не наделать фатальных глупостей с ней, но и… *отступить.*

Проклятье. Ни хрена это было не легко.

Я все еще не могу с этим справиться.

Понимая, что больше не вывезу адского напряжения, бушующего во мне все это время, сворачиваю с дороги, протягиваю машину чуть дальше по обочине и паркуюсь в местечке,

которое кажется мне неприметным. Алёна в удивлении мотает головой по сторонам, прежде чем перевести на меня вопросительный взгляд.

– Ты все еще хочешь поиграть? – подмигиваю ей, зажав кнопку слева и чуть отодвигая свое кресло вглубь салона.

Недоверчивость во взгляде моей невесты сменяется пониманием. Она любит эти игры не меньше меня и схватывает все на лету, готовая, стоит лишь поманить. Соблазнительно закусив припухлую губу, Алёна улыбается и слегка ведет округлым плечом, сбрасывая с него тонкую лямку платья. Выгнув спину, она, дразнясь, легонько касается моих губ своими.

– Спрашиваешь… Конечно, хочу…

Придерживаю ее за плечо, шепнув в ответ:

– Детка, у нас совсем мало времени.

– Тогда мы поторопимся, – мяукает между короткими поцелуями, сквозь тонкую рубашку царапнув мою грудь длинными острыми ноготками.

– Хорошо… – выдыхаю, откидываясь на спинку сиденья.

Не разрывая глубокий поцелуй, Алёна тянется к моей ширинке и принимается возиться с ремнем. Кое-как выуживает его из пряжки, дергает вниз, и я машинально упираюсь ладонью ей в плечо. Она смеется, прикусывает меня за подбородок, затем отстраняется немного и, медленно облизав нижнюю губу, сползает ниже по моему телу. *Вот так…* Стискиваю зубы, чувствуя, как ее горячий язык проходит вдоль всей длины высвобожденного члена, прежде чем она обхватывает губами мгновенно затвердевшую плоть, с каждым последующим движением заставляя меня одну за другой растворять ненавистные мысли в подступающем вакууме нарастающего удовольствия.

Да… Вот оно.

Забвение…

Сгребаю пятерней ее густые темные волосы, то и дело падающие ей на лицо, и вновь расслабленно упираюсь спиной в мягкое сиденье. В изнеможении закрываю глаза и пытаюсь подстроиться под движения ее рта, *забыться,* выбраться из коварного плена *какого-то проклятого непроходящего наваждения,* преследующего меня с той самой секунды, как вновь увидел эту чертову белобрысую стерву. Мать ее, она не смеет снова все рушить. Ей давным-давно пора оставить в покое мою дерьмовую жизнь. Свалить *прочь* из моей головы вместе со своим несмываемым образом. Раз и навсегда уже свалить *прочь.*

Сжимаю темные локоны своей невесты, другой рукой глажу ее по затылку, пальцами спускаясь к спине и легкими касаниями проходясь по ткани умопомрачительно короткого платья. Не в силах сдерживаться, притягиваю ее голову еще ближе к своему паху и двигаю бедрами навстречу жаркому рту, в полной мере отдаваясь на волю чувств и обострившихся ощущений. Она дергается, но я не пускаю. Мне позарез необходима разрядка. *Прямо сейчас. Немедленно.* Я тупо *нуждаюсь* в скорейшем избавлении от гнетущего напряжения, воцарившегося в моей душе после встречи с той, которую когда-то любил безумно и слепо, как помешанный фанатичный псих. Слишком сильно, чтобы остаться с незамутненным рассудком в финале нашей общей печальной истории.

Глава 6

Варвара

После разговора с бабулей какое-то время я просто брожу по смутно знакомым улицам, самой себе тщетно пытаясь ответить на вопрос о том, *какие ощущения* вызывает у меня новость о скорой женитьбе Влада. Бабушка безапелляционно заявила, что «*Все к лучшему*» и «*Пусть этот кровопийца высасывает все соки из другой наивной дуры*», а под конец и вовсе посоветовала мне не забивать этим голову и поскорее уезжать из Малиногорска. Я не была столь категорична, хотя в общем и целом признавала ее правоту, особенно в той части, где *«Все к лучшему».* После того, что было в нашем прошлом, после жестокого разочарования в моем лице и нашего громкого разрыва Влад наконец-то нашел себе подходящую девушку, которую действительно любит, и собирается связать с ней свою жизнь. Это и правда к лучшему.

К лучшему же, да?

И вообще, мне не должно быть никакого дела до женитьбы бывшего мужа. Меня это никоим образом не касается и уж точно не волнует… Да я узнала о его планах лишь по чистой случайности! Если б не знала, продолжала бы пребывать в спокойном неведении, даже не вспоминая о том, что *когда-то в* моей жизни присутствовал этот человек.

У меня к нему *ничего.* Было когда-то, но давным-давно прошло, отболело, остыло.

Просто он все еще в моей голове. Но это… не критично и скоро пройдет, вновь станет блеклым и не имеющим значения, надо только перетерпеть несколько дней. Не так уж и много, чтобы разводить сопливую драму.

Ближе к вечеру, поужинав в кафе неподалеку от гостиницы, я возвращаюсь в свой номер. Где-то после восьми звонит Димка.

– Можешь меня поздравить, у меня теперь новый телефон, а все контакты удалось вытащить из старого, так что я снова как белый человек. Ну что, ты уже разместилась в гостинице? Я специально не звонил тебе днем, чтобы не отвлекать, а то мало ли, вдруг у тебя как раз заселение. А вообще-то я думал, что ты сама догадаешься мне набрать.

Я бы обязательно догадалась и позвонила ему, если б прибытие в родной город не оказалось для меня таким *ошеломительным и сбивающим с ног,* что из моей головы начисто выветрились все здравые мысли.

– Извини, Дим, я что-то замоталась.

– Да ладно, не страшно. Мне ли не знать, какой ты бываешь рассеянной?

– И почему ты до сих пор меня терпишь?

– Сам не пойму. Наверное, все же питаю к тебе непозволительную слабость, благодаря которой ты с легкостью вьешь из меня веревки, – смеется Димка.

– И хватает же совести говорить такое? – притворно возмущаюсь я. – Ты так торопился избавиться от меня, что теперь я вынуждена провести здесь *еще целых два дня* помимо оговоренных, пока не начнется твой долбаный семинар.

– Ну да, к сожалению, без побочек не обошлось, – Димка серьезнеет. – Но билетов на более позднюю дату уже не было, нашим девчонкам и этот-то едва удалось урвать. И вообще не жалуйся там, лучше скажи спасибо, что мы не запихнули тебя в какую-нибудь дальнобойную фуру бесценным довеском к ценному грузу.

– А, так это мне еще повезло…

– Просто-таки фантастически, учитывая жесткую напряженку с билетами. Кстати, я там скинул пару файлов тебе в ящик. Глянь, как выпадет минутка, ладно? Как раз будет чем заняться в свободное время.

– Премного тебе благодарна, – вздыхаю я.

– Не стоит, Варечка, говорю же, ты – моя непозволительная слабость… Ну ладно, рассказывай, как там у тебя дела? Все в порядке?

– Ну… Дорога прошла налегке, на месте мне предоставили уютный номер люкс со всеми удобствами, погода только слегка подкачала, я вымокла до нитки, но на завтра вроде обещают солнце. Так что, наверное, да, у меня все в порядке.

– И почему я начинаю беспокоиться, когда ты так говоришь?

– Ты просто слишком мнительный.

– А в остальном какие дела? Уже придумала, чем будешь заниматься завтра?

– Еще в процессе, – отмахиваюсь и, помолчав немного, все же решаю рассказать ему последние новости. – Представляешь, Дим, на днях Семен Егорович попал в аварию.

– Семен Егорович? – в некотором замешательстве переспрашивает приятель.

– Мой бывший свекор, – поясняю со вздохом.

– А, понял... Так, говоришь, он попал в аварию? Ну ничего себе, – присвистывает Димка. – И как он, не сильно хоть пострадал?

– Похоже, что сильно. Лежит в больнице и вроде как пока не встает. Я заходила к нему днем. Держится он весьма неплохо, улыбается, даже шутит… Надеюсь, скоро пойдет на поправку.

– Как же его так угораздило… Ну, а что Влад? – помедлив, несколько бестолково спрашивает Димка, а я прикидываюсь дурочкой:

– *Что – Влад?*

– Ты прекрасно меня поняла, Варь. Вы ведь с ним уже виделись? Даже не думай соврать, что нет.

– Я и не думала… Он был в больнице, когда я заглянула к Семену Егоровичу. Так что да, Дим, мы виделись.

– Вот же черт… Просто какой-то на редкость изощренный закон подлости, не иначе! Варь, честное слово, я был железно уверен в том, что вы с ним не встретитесь. В большом густонаселенном городе это было просто-напросто *невозможно!*И вот на тебе… Ну какого хрена вообще, а?

– Да ладно… Ничего страшного ведь не случилось.

– Это я виноват, что отправил тебя туда, глупый осел. Еще и настоял, хотя ты не хотела ехать.

– Выдыхай, Дим, я уже большая девочка и могу справиться со своим бывшим мужем без добровольных помощников. Меня не нужно опекать.

– Еще бы ты сама была в этом уверена.

– А я уверена. И давай закончим на этом… Так, говоришь, ты скинул что-то мне на почту? – резко меняю тон и крайне щекотливую тему. – Давай я сразу посмотрю, что там…

Ночь выдается душной. До самого рассвета я неустанно ворочаюсь на неудобной гостиничной постели, да так, что к утру хлопковая простынь оказывается сбита к стене, а подушка и вовсе обнаруживается на полу у кровати. Мне снился Влад, точнее, тот давний период, когда я для него была лишь *«странной девочкой, переплюнувшей в полете фантазии всех его ретивых поклонниц, бывших и нынешних»*. И это при том, что *поклонницей*Влада я никогда себя не считала. Да, наверное, я запала на него в тот же день, когда он впервые ступил *на нашу*площадку с требованием *«показать ему чертов портрет»,* но еще долгое время это новое для себя чувство обманчиво принимала за тихую неприязнь, попеременно сменяющуюся острой заинтересованностью. Ведь он сделал все возможное, чтобы я запуталась и приняла одно за другое, симпатию за отторжение, зарождающуюся привязанность за банальное любопытство. Внезапно его оказалось *слишком много*в моей унылой жизни. История с портретом очень быстро стала достоянием общественности, и вскоре девчонки из школы, даже те, которых я вообще не

знала, наперебой обсуждали мою *«глупую безнадежную влюбленность»* в популярного парня, за которым бегают толпы самых заметных красоток.

Конечно, я злилась на их дурацкие подначивания, обижалась и даже перестала таскать с собой альбом со злополучным портретом, заменив его большой толстой тетрадью в клетку, но все уже было бесполезно, колесо неудачи в моей жизни завертелось на полную мощь. Мальчишки в школе и какие-то незнакомые парни постарше с усмешками предлагали мне *свои услуги в качестве натурщиков,* причем таким глумливым тоном, что какое-то время я не могла притронуться даже к простому карандашу. Невинное желание рисовать всегда и везде превратилось в один из моих затаенных страхов, о котором не знал никто… Кроме лучшей подруги Ирки. Она единственная старалась меня поддержать. Активно защищала от нападок и даже пыталась убедить неуемную свиту Влада в том, что *парень на моем проклятом рисунке* не имеет *ничего общего* с их дражайшим заводилой, но толку от этого все равно не было.

Да, в наброске имелись несущественные огрехи, что-то лишнее, несвойственное *именно Владу,* но в целом любой, кто был поверхностно с ним знаком, мог без труда опознать его на моем карандашном рисунке. Ирка это хорошо знала, но я все равно была благодарна ей за участие.

Промаявшись без сна практически всю ночь, утро я начинаю с уверенной мысли о том, что *ни при каких обстоятельствах* не стану вникать в стремительные перемены, происходящие в судьбах некогда близких мне людей. И сторонним наблюдателем без определенной роли тоже не буду. Как и обещала бабуле, я останусь в Малиногорске до завершения семинара, а после соберу свои вещи и уеду отсюда уже навсегда.

И никакого возврата к прошлому.

– Просто, как все гениальное, – кривлюсь своим мыслям, возвращая смятую простынь в исходное положение.

Твердо нацеленная придерживаться этого нехитрого плана, я заглядываю в облюбованное мною кафе неподалеку от гостиницы. За завтраком набираю Димку, и мы немного треплемся о работе. Приятель сетует на свою *бескрайнюю* занятость и острый переизбыток тупых людей вокруг, а я не слишком вовлеченно ему сочувствую, про себя порадовавшись собственному официально разрешенному безделью.

Пользуясь тем, что мне выпала *шикарная возможность* побездельничать еще пару дней, до обеда я просто болтаюсь по городу, изредка заглядывая в попадающиеся на пути различные магазины. Вдруг обнаружив себя в паре улиц от городской больницы, невольно замедляю шаг. Собственно… *почему бы не заглянуть* к Семену Егоровичу? Вчера наш разговор вышел скомканным из-за присутствия Влада, а мне бы хотелось подольше поговорить с бывшим свекром и, может, задать вопросы о жизни их семьи после того, как я перестала быть ее частью…

Сегодня дядя Сема выглядит заметно хуже, чем в мой прошлый визит. Очень бледный, с темными впалыми кругами под глазами и будто совсем выбившийся из сил, однако мое появление его вроде бы радует. Он охотно со мной разговаривает, шутит по своему обыкновению, но вместе с тем голос его звучит как-то *вяло,* с ощутимыми паузами. Бывший свекор рассказывает мне, что рано утром к нему заезжала Татьяна и пообещала вернуться вечером после работы. Влад пока не появлялся – Семен Егорович предположил, что сын занят и, возможно, заглянет уже завтра. Понаблюдав за бывшим свекром, я решаю, что ему все же не стоит переутомляться, и начинаю закругляться с визитом.

Вот тут-то меня поджидает сюрприз.

Не успеваю я попрощаться с Семеном Егоровичем, как дверь палаты распахивается, и я вижу Влада в компании вчерашнего здоровяка в белом халате, на которого смотрю слишком пристально, *только чтобы не пялиться в открытую* на бывшего, который хоть и пребывает явно не в лучшем расположении духа, все равно выглядит, как… Как пресловутый *мой личный идеал*, которого однажды накаркала мне болтливая Ирка.

Так… не смотреть на него.

Я и не смотрю… Но все же от меня не укрывается хмурое выражение лица Влада и темные круги у него под глазами, почти такие же глубокие, как у Семена Егоровича. Похоже, у кого-то выдалась бессонная ночка. Хотя удовлетворенным Влад не выглядит, скорее, очень измотанным. Неужели красотка Алёна додумалась закатить ему истерику относительно моего приезда? В таком случае неудивительно, что он смотрит на меня, как на своего самого злейшего врага. Это не должно меня цеплять, но почему-то неприятно цепляет.

Интуитивно принимая раздражение бывшего на свой счет, я ощущаю какую-то смутную смесь обиды и злости. Под настороженным взглядом дяди Семы делаю шаг к двери, краем уха прислушиваясь к тому, как доктор-крепыш жалуется Владу на нежелание его отца принимать какие-то медицинские препараты. Тот стоит, сунув руки в карманы, и молча кивает в такт словам врача. Затем шагает к постели больного.

– Пап, что еще за чудачества? Если доктор говорит, что тебе надо пить эти лекарства, значит, ты будешь их пить. Столько, сколько положено, чтобы поднять тебя на ноги. Или ты тут на ПМЖ решил прописаться?

– А ты посмотри состав этой химической дряни, там же ничего натурального. Я от нее только быстрее ласты протяну, – упорствует дядя Сема.

Переглянувшись с Владом, доктор разводит руками и принимается возражать, я же нахожу момент удачным для того, чтобы наконец-то покинуть палату, но у самой двери меня настигает голос Влада:

– Варь, подожди, я тебя отвезу.

Что-то ощутимо дрожит внутри, стоит ему обратиться ко мне, пусть даже таким бесцветным монотонным голосом, но я сухо бросаю в ответ:

– Спасибо, не нужно.

– Он отвезет, – вклинивается дядя Сема.

Теперь все трое, включая доктора, смотрят на меня так, что я начинаю ощущать себя личинкой под прицелом микроскопа и глупо теряюсь.

– Н-не надо… Мне тут близко.

– Владлен Семенович, зайдите потом ко мне в кабинет, – говорит доктор.

Ну, здорово. Похоже, он вообще не воспринял мой отказ и оставил право голоса за бывшим.

Коротко кивнув ему, Влад наклоняется к постели и пожимает отцу руку:

– Не прощаюсь, пап.

– Конечно, Владик. С мамой заглядывайте вечером, буду вас ждать.

Не зная толком, как реагировать на происходящее, я первой выхожу из палаты дяди Семы, притворяю за собой дверь и сразу же двигаюсь к лестнице. Слышу позади ожидаемый хлопок, затем быстро догоняющие меня шаги, и вот он совсем рядом, прямо за моей спиной… *в каких-то жалких неуловимых сантиметрах.* Идет следом и не произносит ни слова, но я *кожей* ощущаю его опасное присутствие. Мне нет никакой нужды оборачиваться, я просто знаю, *что это он,* до предела обострившиеся органы чувств не позволили бы мне спутать его с кем-то другим.

Влад почему-то не спешит заговаривать со мной. Как и вчера, мы вновь оказываемся непозволительно близко друг к другу, но упорно, словно по обоюдному негласному уговору, не произносим ни слова. Я бы очень хотела разрушить эту удушливую тишину, но понятия не имею, как можно это сделать.

Я не знаю, что ему говорить. Все, что приходит на ум, кажется мне на редкость глупым.

Так же молча мы спускаемся по лестнице, пересекаем широкий больничный холл, и только здесь Влад обгоняет меня, чтобы придержать передо мной стеклянную дверь.

– Туда, – указывает бывший в сторону парковки, когда я по наитию сворачиваю было к распахнутым воротам.

– Влад… – чувствую, как *спотыкаюсь*о необходимость произнести вслух его имя. – Не нужно меня никуда везти. Я собиралась немного прогуляться.

– *Прогуляться?*– приподнимает он бровь.

– Ну да...

– Выходит, у тебя нет никаких планов, и ты вполне можешь прокатиться вместе со мной.

– *Что?*Нет, я…

Владлен не слушает. Щелкает кнопкой на брелоке и кивает мне в сторону темной Мазды «шестерки», мигнувшей фарами с дальнего края больничной парковки. Это что-то совсем новенькое. За минувшие три года бывший успел кардинально поменять не только свою жизнь, но и машину и… что там еще припасено у него в рукаве в качестве козыря, который в пух и прах разобьет мои перманентные серые масти?

Устроившись на переднем сиденье рядом с Владом, бросаю осторожный взгляд на его левую ладонь и сглатываю непроизвольно, убедившись, что кольцо – *грошовый пустячок, наш спонтанный каприз, забава,*которая когда-то казалась нам *чем-то символически значимым* – по-прежнему на месте. Кольцо стоит сущие копейки, никакой *символической* ценности для Влада очевидно больше не несет, так почему же он продолжает носить его? Всего лишь из-за дурацкой привычки? А может, он воспринимает кольцо чем-то вроде… *талисмана удачи* и никак не связывает его*со мной?*Черт, я этого совсем не понимаю.

Почему он не снимет это проклятое кольцо?

Почему?

Он ведь в курсе, что я не могу не обратить на него внимания.

А я… *Я ведь тоже.*

Спохватившись с запозданием, быстро накрываю левую ладонь правой, надеясь, что он не смотрел туда и не видел мое кольцо. Надо было еще раньше стащить с пальца эту броскую штуку, чтобы не провоцировать Влада на ненужные мысли и поспешные выводы, но я настолько привыкла носить свое кольцо *каждый день,* не задаваясь поисками сакрального смысла, что мне это попросту не пришло в голову.

Может, и с ним то же самое?

– Ну что, еще не придумала, куда тебя отвезти? – небрежно интересуется Влад, заводя двигатель.

– Просто… Высади меня на остановке, – лепечу, понятия не имея, что ему ответить.

– Что ж, тогда покатаешься со мной, пока не придумаешь, – подытоживает бывший, выворачивая со стоянки.

Боже... В его присутствии мои мозги плавятся в жидкую кашицу. Я не знаю, что делать, не знаю, как себя вести и что ему говорить; вообще ничего рядом с ним не знаю и не сознаю.

Он неумолимо *давит*на меня со всех сторон. Внезапно оказавшись *на его территории,* я словно странным образом перенеслась в свою *прошлую*жизнь, которую раз и навсегда решила связать с ним… С ним же и обрубила ее, в спешке покидая родной город и человека, которого все еще любила. В салоне автомобиля витает знакомый, пусть и давно позабытый аромат его туалетной воды с нотками горького кофе и карамели, от которого у меня образуется пространный вакуум в мыслях и мелко подрагивают кончики пальцев. Когда-то я с упоением водила носом по колючей щеке мужа, спускаясь к его сильной шее, губами снова и снова касаясь открытых участков кожи, вбирая в себя его запах, смешанный с ароматом парфюма. Когда-то Влад позволял мне делать с собой все, что только взбредет в мою голову… Но тогда мне и не нужно было никакого разрешения. *Он просто был моим.*

– Что собираешься делать? – неожиданно спрашивает Владлен, на мгновение оторвав взгляд от дороги, чтобы посмотреть на меня.

– А?.. Да я не знаю, – рассеянно пожимаю плечами, с трудом заставляя себя сбросить спонтанное наваждение.

Это непросто… *В салоне его машины каждая пустяковая мелочь напоминает о нем,* против воли *я сама*настраиваюсь на него, что здорово сбивает с толку и провоцирует на неправильные… а теперь, когда он вскоре женится на другой, даже *запретные*мысли и образы *с ним и со мной.*

– Ты вроде говорила, что приехала по работе?

– Да, меня командировали для участия в крупном семинаре, который состоится в ДК через несколько дней.

– Несколько дней? – он вновь мажет по мне беглым взглядом.

– Ну да, мне… пришлось приехать чуть раньше, так как билетов на более позднюю дату уже не было.

Я что, оправдываюсь перед ним? С какой стати?

– Выходит, тебе повезло, – как-то натянуто улыбается Влад. – Развеешься, отдохнешь от работы, и тебе за это ничего не будет.

– Ну я все-таки не отдыхать приехала. К тому же, какую-то часть своих рабочих обязанностей я могу исполнять по удаленке из гостиничного номера.

– В какой гостинице ты остановилась?

– В «Восходе», это…

– Я знаю, где это, – кивает Влад, а я поджимаю губы.

Ну да. Конечно, он знает.

Сейчас, сидя совсем рядом с Владленом, я вдруг с пугающей обреченностью понимаю, что мне *абсолютно нечего здесь делать.* В этом невыносимо стылом и *душном*городе, который когда-то был мне родным, а теперь стал *совсем чужим,* я только доставляю всем сплошные неудобства, а может быть, даже провоцирую ненужные конфликты. Наверняка новая девушка Влада не слишком довольна моим приездом несмотря на то, что бывший давным-давно вычеркнул меня из своей жизни. Я видела, каким*напряженным подозрительным* взглядом она смотрела на меня там, в больнице, когда демонстративно держала Влада за руку, словно без слов стремясь донести, что *мое время безвозвратно ушло,* и этот мужчина теперь принадлежит только ей. Хотя Алёна могла и не стараться. Я ведь не дура, прекрасно все вижу и понимаю.

Уверена, они оба ждут не дождутся моего отъезда из Малиногорска. Я б и сама с удовольствием прямо сейчас отправилась на вокзал, если бы не работа, этот злосчастный несвоевременный семинар *повышенной важности*и мое обещание Димке обязательно на нем присутствовать…

– Как вообще у тебя дела, Варь?

– Все нормально, – отвечаю уклончиво, избегая смотреть на Влада.

– Работаешь?

– В художественном училище.

Да, не слишком впечатляюще. Что ж, мне нечем похвастать перед бывшим, спустя три года моя жизнь все так же скучна, размеренна и однообразна.

– По-прежнему рисуешь? – в исполнении Владлена это звучит почти как ругательство, которое я вынужденно проглатываю и киваю сухо:

– Да. Рисую.

Клянусь, одна и та же мысль одномоментно пронзает наши головы ядовитой стрелой обоюдных воспоминаний о той самой ночи… нашей *последней ночи,* ставшей финальной каплей в необъятном море клокочущих страстей, последним рывком к неминуемому обрыву и краху, *гадким, уродливым, сумасшедшим* окончанием нашей когда-то красивой сказки о псевдовечной

любви. Смутные отголоски той ночи все еще живут в моем сердце, спрятанные глубоко-глубоко, чтобы было сложнее достать и ненароком порезаться об их острые осколки.

Кто бы что ни говорил о всемогущем времени, способном творить чудеса и исцелять покалеченные души, но у меня после Влада так и не получилось начать свою жизнь с чистого листа. Да, все эти годы мы с ним не виделись и не общались, мои чувства к бывшему мужу притупились, померкли и постепенно отошли на второй план, но… *не исчезли совсем?*Не знаю… Я была уверена, что их больше нет. Но стоило нам с Владом встретиться вновь, как меня с новой, будто бы даже *увеличенной*силой потянуло к нему, и я уже не могу отрицать этого притяжения, все тщетно… когда он *настолько*близко. Мне голову кружит от прежде *задавленных, а сейчас вырвавшихся на волю*воспоминаний, и так хочется прикоснуться к нему, пусть мимолетом, бегло кончиками пальцев к его теплой коже, хотя бы смахнуть несуществующую пылинку с его рукава, *просто притронуться…* Но у меня больше нет на это никакого права.

Он не мой.

Я должна взять себя в руки и *как-то*справиться со своим дурацким наваждением.

Вздрагиваю от громкого звонка телефона, лежащего на панели экраном вниз. Влад тянется за ним, косится на высветившуюся надпись и принимает вызов.

– Да, мам. Не совсем, но рядом. *Что?!*– вдруг резко повышает он голос, и я беспокойно оборачиваюсь к нему. –Ну какого черта, а? Ты же знаешь, *как*Алёнка водит машину. Хочешь угробить нам мелкую? Нет. Слушай, ладно, я сам ее заберу, вот прямо сейчас разворачиваюсь и еду за ней. Да не занят я, нет… Просто надо было сказать заранее, чтобы я высвободил это время. Все, в общем, давай, мам. До вечера.

В видимом раздражении Владлен бросает телефон обратно на панель и маетно трет ладонью подбородок.

– Ты все еще в раздумьях? – оборачивается он ко мне. – Тогда съездишь со мной за Машкой. У них там нарисовалась какая-то внеплановая репетиция по танцам, надо ее забрать.

Вообще-то, я не в раздумьях. Мне хочется убраться из его машины и от него самого как можно скорее, так как с ним рядом я практически парализована и уж точно не способна соображать здраво. Поехать сейчас с Владом за его младшей сестрой? Провести столько времени рядом с бывшим мужем и девочкой, на которой завязано *еще больше*моих воспоминаний об утраченном прошлом?

– Высади меня где-нибудь здесь, ладно?

Мельком покосившись в мою сторону, он вновь отворачивается к дороге.

Что ж, это его ответ. Невзирая на мою просьбу, Влад не останавливается, напротив, даже прибавляет в скорости. Я уже почти не дышу и, кажется, все чаще забываю *выдыхать.* Мне так сильно не по себе, что это становится серьезной проблемой.

Ладно…

Я больше не пытаюсь с ним заговорить. Так и сижу молча, как на иголках, пока в поле моего зрения не появляется старое здание городского Дворца культуры, в котором раньше располагались всевозможные дополнительные курсы для распределения свободного времени школьников. Когда-то и я посещала здесь кружок юного художника, сгоряча даже попробовала записаться на народные танцы, но не слишком в этом преуспела и уже через пару месяцев бросила делать вид, что могу научиться двигаться красиво и пластично, уяснив, что против природы все-таки не попрешь, и лучше обратить свои скромные таланты в какую-нибудь другую сферу.

Интересно, каким танцам учится Маша?

Поразмыслив, я не нахожу в этом вопросе ничего неуместного и озвучиваю его для Влада.

– Машка ходит на бальные танцы, – отвечает бывший. – У них там почти весь класс под это запрягли, а сестрица вписалась добровольно. Ходит, пляшет. Вроде ей даже нравится.

– Она ведь сейчас… в первом классе? – мысленно произвожу подсчеты.

– Перейдет во второй.

Из здания Дворца культуры гурьбой выбегают дети. Затаив дыхание, я наблюдаю за тем, как, радостно смеясь и переговариваясь, они проносятся мимо парковки и заворачивают к длинной аллее. Судя по тому, что Владлен спокойно сидит рядом, его сестры среди них нет.

Проходит еще минут пять, которые мы проводим в полной тишине, наблюдая за обстановкой вокруг, затем Влад вдруг фыркает и качает головой. Смотрю на него с немым вопросом во взгляде, на что бывший отмахивается:

– Да так… вспомнил просто, как ты не вписалась в эти двери, когда на всех парах мчалась к выходу со своим огромным рюкзаком. Ты так спешила свалить отсюда, но увидела меня возле ступеней и чуть не влетела в них носом. Все твои карандаши по полу врассыпную… Я думал, скончаюсь от смеха. Такая ты была забавная…

– Да ладно, не было тебе ни капли смешно. Ты тогда сразу же побежал мне на подмогу, – возражаю на автомате, скрадывая невольную улыбку.

– Побежал, чтобы было лучше видно, как ты вся сгораешь от смущения.

– *Сгораю от смущения?* С чего бы это?

– Я на тебя так действовал, нет?

– Вот уж ничего подобного… – фыркаю я.

Влад резко обрывает смех, отворачивается от меня и тянется к своему телефону.

– Да где там ее носит так долго, – бурчит себе под нос, убирая мобильный в карман. – Пойду посмотрю. Посидишь тут?

Подавив тихий вздох, за неимением альтернативы я согласно киваю.

– Закрывать не буду. Надеюсь, ты не сбежишь и не бросишь мне открытую тачку?

Я молча пожимаю плечами.

Бывший покидает машину. Пользуясь тем, что он не видит моего интереса, я наблюдаю за ним, неотрывно смотрю, как Влад широким шагом преодолевает расстояние от стоянки до входа в здание Дворца, а в голове все еще звучит его искренний ненавязчивый смех, которого я не слышала уже очень долгое время. Зачем вообще Влад заговорил о наших общих воспоминаниях? Он посмеялся немного и думать об этом забыл, а я со своей неуемной фантазией теперь надолго застряла в навязчивых образах из прошлого, в котором еще были *мы.* Мы вместе. Казалось бы, счастливые, *неразделимые.*

Я не знаю, как с этим справиться. Да и, наверное, уже не смогу. Не рядом с ним. Не в этом городе. *Не в этой жизни.*

На площадку перед Дворцом выходит невысокая светловолосая девочка в бежевом платье, и мое сердце вдруг заходится в одному ему известном ритме. С первого взгляда я узнаю ее, непослушную маленькую проказницу, страстную любительницу раскрашивать дорогие мамины шмотки моими масляными красками. Она… стала такая большая, моя девочка. Уже совсем-совсем взрослая. Я боялась, что спустя несколько лет не смогу ее узнать, но мне хватило на это доли секунды, хотя Маша здорово изменилась.

Она уже далеко не крошечный ребенок, *но все же это она.* Разве тут могут быть какие-то сомнения?

Повертев головой, Маша замечает машину брата и уверенно припускает к стоянке, но по мере своего приближения заметно сбавляет шаг. Легкая улыбка совсем сходит с ее губ, сменяясь неуверенностью и озадаченностью, когда ее взгляд фокусируется на моем лице.

Подумав о том, что сейчас она и вовсе повернет назад, я быстро дергаю на себя ручку автомобильной дверцы и выскакиваю наружу.

– Маша! Постой.

Девочка останавливается. Смотрит на меня с настороженностью, непроизвольно сжимая край своего платья тонкими пальчиками, пока я в несколько шагов преодолеваю разделяющее нас расстояние.

– Ну ничего себе, Маш, как ты выросла… – присвистываю, ведя по ней изумленным взглядом.

Она ничего не отвечает, разглядывает меня с прежней настороженностью, а я просто не могу оторвать от нее глаз. Три года назад Маша была совсем малышкой, теперь же она заметно вытянулась, отрастила пушистую светлую косу ниже плеч, визуально даже посерьезнела, что ли… Не уверена, что сейчас она стала бы с прежним озорством перемешивать мои краски и без разбора пачкать ими все подряд, что только попадется под ее шаловливые ручки. Она и правда кажется мне очень взрослой.

– Твой брат пошел тебя искать. Сейчас он тебя не найдет и вернется обратно, – добавляю с заминкой, вдруг сообразив, что, скорее всего, пугаю ее. Вряд ли Маша меня помнит и наверняка теряется в догадках, что это за странная девица и с какой стати пристает к ней посреди улицы.

Не сводя с меня взгляда, сестра Влада кивает.

– Ты меня не помнишь, правда? – спрашиваю тише.

Не знаю, почему мне так хочется, чтобы она обязательно меня помнила. Мне просто хочется оставаться где-то там, в ее памяти, потому что она в моей все еще занимает существенное место.

Маша снова не отвечает, только продолжает пристально вглядываться в мое лицо. Так мы и смотрим друг на друга, она – задумчиво, даже оторопело, и я – с трепетным ожиданием хоть какой-нибудь реакции. Три года назад она была такой крошкой… Конечно, меня нет и быть не может в ее воспоминаниях.

Моя улыбка сама собой гаснет. Мысленно велев себе перестать пугать ребенка, я уже собираюсь отступить, как вдруг Маша шагает ко мне и кладет ладошку на мое плечо:

– Я тебя помню, – говорит, и я наконец-то слышу ее голос. – Ты учила меня рисовать котенка с бантиком.

– Котенка? А, да… Было дело, – улыбаюсь с некоторым облегчением. *Помнит, надо же, она меня все-таки помнит…*– И еще щеночка с косточкой.

– Я единственная в классе умею рисовать настоящего котенка и щенка, – хвалится Маша.

– Правда? Как здорово…

– А ты научишь меня еще чему-нибудь?

– Конечно. Чему захочешь… Я так рада тебя видеть, Маш, – признаюсь ей и почти задыхаюсь, когда она с подкупающей непосредственностью вдруг обнимает меня обеими руками.

Это приятно, просто не передать словами, как приятно.

– И я тебя. Влад сказал, что ты к нам больше никогда не вернешься.

– Он… просто не знал, – бормочу невнятно, прижимая ее к себе и чувствуя, какая она маленькая и хрупкая несмотря на кажущуюся взрослость.

– Ты теперь останешься с нами?

– Нет, я… – качаю головой в остром недостатке слов. И повторяю тихо. – Нет.

– Почему? – отстраняется от меня Маша.

– Потому что я… э-э… скоро уезжаю, – мне приходится выворачиваться.

– Но ты ведь можешь не уезжать?

– Не могу, Маш. Мне нужно будет вернуться домой.

– А *где*твой дом?

Ей удается застать меня врасплох. Я так и застываю с открытым ртом, глядя на нее и совершенно не представляя, что ответить на такой предельно простой вопрос, ответ на который знает даже самый маленький ребенок. Но только *почему-то*не я. Лишь сейчас я понимаю, *что понятия не имею,*где находится мой дом или то место, которое я могла бы назвать своим настоящим домом.

*Где он? Здесь?*Или где-то… *там?*

Где мой настоящий дом?

Глава 7

Владлен

Алёна:«*Красный или белый*?»
Влад: «*Красный*»
Алёна:«*Зеленый или желтый*?»
Влад:«*Желтый*»
Алёна:«*Голубой или розовый*?»
Влад:«*Черный*»
Алёна:«*Ты хоть когда-нибудь можешь быть серьезным?!*»
Влад:«*Розовый*»

Алёна:«Издеваешься? *Только представь, какое адское сочетание выйдет в итоге! У нас все-таки свадьба, а не цирк*»

Б***ь. А по-моему, как раз наоборот. В моей жизни происходит самый настоящий гребаный цирк. Полная клоунада. Что угодно вообще, только *не нормальная человеческая подготовка к свадьбе.*

Хватит с меня этой непонятной х***ни. Ничего не ответив, швыряю телефон обратно на панель и завожу мотор, игнорируя попеременные звуки новых сообщений из мессенджера. Похрен уже. Как-нибудь разберутся *с сочетаниями и цветами* без моего бестолкового участия, я в этом все равно ни хрена не секу, более того, тупо *не понимаю,* о чем идет речь.

Мой телефон не замолкает весь день – дорогая и любимая под ручку со своей грузной мамашей бомбардируют многочисленные свадебные салоны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.